

ВИКТОРИЯ ВОЛКОВА

Дом у
ВОДЫ

Шиворот-навыворот

Виктория Волкова

Дом у воды

«Виктория Волкова»

2019

Волкова В. Б.

Дом у воды / В. Б. Волкова — «Виктория Волкова»,
2019 — (Шиворот-навыворот)

Он понятия не имеет, кто она такая. Ему нет дела до ее прошлого или будущего. Важны лишь миг настоящего и теплое дыхание гостьи у него на груди. Но Арсений Гаранин даже не догадывается, что на легкомысленную девчонку объявлена охота и ее жизнь не стоит даже ломаного гроша.

© Волкова В. Б., 2019

© Виктория Волкова, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	50
Глава 10	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Виктория Волкова

Дом у воды

Глава 1

Девчонка, заспанная и нежная, ластилась к Гаранину и что-то бормотала в полудреме.

– Там, кажется, твои уходить собираются, – предостерег он, аккуратно высвободившись из сладостного плена, и, шагнув к окну в чем мать родила, второпях принялся натягивать штаны. Во дворе, на утоптанном снежке уже толпилось человек десять. Туристы-лыжники во главе с Вадькой Пряшниковым.

– Погостили – и хватит, – себе под нос пробубнил Арсений Гаранин и обернулся к девчонке, распластавшейся звездочкой по его постели. Замечательный вид. Точеная фигура, округлая в нужных местах, грива темно-русых волос, завивающихся мелкими кольцами. Девица понравилась ему сразу, как только вчера ввалилась во двор. В стареньком потертом комбинезоне, уставшая и сердитая. Единственная из всего отряда Пряшникова, кто не бросился на шею хозяину и не заголосил:

– Сенечка, слава богу, добрались!

Из всей команды лыжников, каждый год заходивших к Гаранину на ночлег, эту красотку он видел впервые. Остальные, да и сам Пряшников с женой Леной протоптали сюда в Приозерный край не тропинку, а целый проспект. Новгородский тракт. Вадьку Гаранин знал еще со времен университета. Не то чтобы дружили, но общались частенько. А когда, четыре года назад Арсений из столицы перебрался на Север, поселившись в обычной деревянной избе, построенной на берегу Най-озера, то Пряшников смекнул, что у давнего приятеля можно устроить ночевку во время походов. Аж загорелся этой идеей. Да и Гаранин не возражал. Все среди людей. Переночевали и утром дальше пошли. Постепенно и другие группы стали заходить на огонек. То банку тушенки подкинут в благодарность, то бутылкой виски одарят. А вот сегодня девчонку оставили.

Да и чего греха таить, он сам вчера глаз положил на новенькую. Растрепанную и злую. Видать, не поделила что-то с товарками. Арсений издали наблюдал, как она что-то резко ответила маленькой визгливой Таньке и, презрительно глянув сквозь нее, вылетела на мороз.

– Где ты ее только откопала? – не могла унять Татьяна. – Лена, я к тебе обращаюсь!

– Нашла по объявлению, – простодушно откликнулась Вадькина жена. – Ольга заболела, и одно место оставалось. Вы же не пожелали доплачивать за билет и гостиницу, вот и пришлось взять человека.

Арсений наблюдал за Леной Пряшниковой и точно знал, что она врет. Некрасиво и топорно. Но что поделать, у каждого свои тайны. И уж точно сам Гаранин влезать в Ленкины не желал и никому не советовал. Она обеспокоенно глянула в окно, где чернела фигура якобы случайной знакомой, а потом быстро перевела взгляд на команду, общими усилиями приготавливавшую ужин. Кто-то чистил картошку, кто-то разжаривал лук. Слаженно и весело у них получалось. Лишь одна белая ворона отбилась от стаи и даже не собиралась возвращаться обратно. Он видел, как Ленка, разрываясь между своими девчонками и новенькой, потянулась за курткой, собираясь выйти следом, поговорить. Арсений помнил эти разговоры еще со студенческих лет. О взаимовыручке и дружбе. И всю эту прочую лабуду, типа «плохо человеку, когда он один».

«Ага, как же, – хмыкнул про себя Гаранин. – Одному в самый раз. Никто мозги не парит, не предаст и не сплетничает за спиной».

Он сделал знак Ленке Пряшниковой, мол, я сам, и, накинув на плечи тулуп, поплелся за нелюдимою гостей. А та, примостившись на завалинке, горько плакала.

– Обижают? – ехидно поинтересовался он, с удивлением отмечая большие, как у оленка, зеленые глаза, бархатную кожу, сжатые в тонкую линию губы и каштановые завитушки волос, выбившиеся из-под шапки.

– Нет, – поморщилась красotka, утирая ладонью слезы. – Пытаются ужалить, но у них не получается.

– Только они в тепле, а ты тут мерзнешь, – миролюбиво заметил Гаранин и неожиданно предложил: – Хочешь, погрею, кисонька?

Гордая и неприступная девица изумленно уставилась на него. Арсений мог поклясться, что точно уловил тот самый момент, когда взгляд из удивленного сделался на короткий миг оценивающим. Гостья усмехнувшись кивнула. И Арсений потянулся к ней вместе с овчинным тулупом, забирая продрогшую барышню внутрь мохнатого и теплого недра. Она устроилась у него на коленях, приобняла неловко.

– Как тебя зовут, маленькая? – прошептал он, согревая дыханием.

– Ла..., – начала она, но потом, поняв, что проговорилась, сморщила нос. – Света, – представилась коротко, посчитав лишним называть фамилию.

«Да и имя вымышленное, – хмыкнул про себя Гаранин. – Хотя мне какая разница, Света, Лара, или как тебя там?»

Он осторожно огладил пальцем розовую от мороза щеку и прошептал требовательно на ухо:

– Когда все подопьют, тихонько иди в зимовку. Это комната из коридора сразу налево. Я тебя еще ночью погреть хочу.

– Можно я сразу туда пойду? Сил нет на еду и разговоры.

– Добро пожаловать, – хмыкнул Гаранин и накрыл холодные губы своими. Греть так греть. От поцелуя закружилась голова. Целоваться девица умела. То ли за полгода воздержания Гаранин вконец изголодался, то ли столкнулся с настоящей жрицей любви, одним единственным поцелуем переплюнувшей всех его опытных любовниц.

– Я провожу, – просипел он, не сдвинувшись с места. Его рука уже проворно проскочила под толстый вязаный свитер. Огладила сначала живот, а потом молниеносно переместилась на не стесненную лифчиком грудь. Покатую и упругую, словно мяч.

– Какая же ты классная, – хрипло пробормотал он, наплевав на обязанности хозяина. – Давай разочек для согрева, а? – предложил Арсений, мысленно приготовившись к звучной пощечине.

– Хорошо, – пробормотала она и добавила деловито: – Резинки есть?

– Да, – чуть слышно, как подпольщик, усмехнулся Арсений. – Целая упаковка. – И тут же скороговоркой брякнул:

– А так не хочешь, маленькая?

– Нет, – хмыкнула она, мягко вытаскивая его лапу из-под своего свитера. – Мама не разрешает.

Арсений, наскоро напялив свитер, повернулся к кровати и, наклонившись над мимолетной любовницей, прошептал:

– Твои уже уходят. Крикнуть, чтобы подождали?

– Есть другой способ уехать отсюда? – сонно поинтересовалась она, усаживаясь на постели. Арсений заметив, как сползшее одеяло обнажило грудь, ухватил губами горошину соска. Крупную и розовую.

– Конечно, – хмыкнул он, переведя дух. – Тем более сейчас, когда вода встала. До Крушина на вездеходе, а там на машине до Зарецка. Я отвезу. Оставайся.

– Ну если ты приглашаешь, – промурлыкала она, потянувшись, и опять укуталась в одеяло.

Гаранин понял, что задержись он еще на секунду, и уже не выйдет проводить отряд Пряшникова. А этого допустить нельзя. Подождав положенные пятнадцать минут, Вадька сам ворвется в зимовку.

– Поспи, милая, – пробормотал он. – Почти всю ночь не спала.

– Наверное, никто не спал. Лыжницы-фуфлыжницы притаившись, слушали, как под нами кровать скрипела.

Арсений мысленно поморщился. Покоробило такое пренебрежение своими же подругами. Так нельзя! Север не прощает предательства. Да и лжи не прощает. Как можно идти в многодневный поход через леса и озера и ненавидеть своих попутчиков? Что-то здесь не так...

Но Гаранин мысленно отмахнулся от глупых думок.

«Проблемы негров шерифа не касаются», – хмыкнул он про себя и, вдев ноги в толстые валенки, вышел к толпившимся у забора туристам.

– А Света где? – напряглась Лена Пряшникова, поймав его блудливый взгляд. – Она собирается?

– Не-а, – широко улыбнулся Гаранин, отмечая про себя, что ласковую незнакомку зовут все-таки Света. – Я ее потом сам на станцию отвезу.

– Точно? – усомнилась Пряшникова и метнулась в избу. Арсений даже слышал, как она топчет, поднимаясь по высоким ступенькам. Скрипнула дверь зимовки.

«Муж и жена – одна сатана», – недовольно пробурчал про себя Гаранин.

– Ночи не хватило? – насторожился Вадька. – Что, Джин, девочка понравилась?

– Тебе-то что? – ощерился хозяин. – Отец родной, что ли?

Вадим на минуту задумался, вспомнив, что давным-давно на Светкиной свадьбе видел мельком ее родного отца – здоровенного мужика лет пятидесяти или чуть старше. Бывшего спецназовца или десантника. Такой один раз ударит – по плечи в землю вгонит. Но предупредить Гаранина Пряшников не стал. Коли нарвется, пусть пеняет сам на себя. Да и Света Цагерт – девочка взрослая.

– Мне? – переспросил он насмешливо. – Мне, Сенечка, ничего. Только сдается, и тебя проняло... Наконец-то!

– Да пошел ты, – незлобливо отмахнулся Гаранин. – Средства от клещей мне пришли и антибиотики. Я тут местным обещал.

– Обязательно.

Вадим обвел взглядом белые холмы с видневшимися повсюду черными крышами. Ни над одной из них не поднимался дымок. Не лаяли собаки и не кричали по утру пегухи. Пустая, мертвая деревня, где угораздило поселиться Сеню Гаранина.

«Личное дело каждого, – хмыкнул про себя Пряшников. – Мне хватает раз в год пройтись на лыжах по этим местам, а потом вернуться в теплую квартиру на Новом Арбате. Но у каждого своя судьба, а той, что досталась старому приятелю, даже врагу не пожелаешь!»

Во двор выскочила Ленка в расстегнутом пуховике и прокричала громко:

– Все, люди, уходим! Никого не ждем!

– А герцогиня наша? – закричали со всех сторон недовольно.

– Света сошла с маршрута, – объявила Пряшникова, – сильно растерла ноги.

«Скорее между ног, – мысленно осклабился Гаранин, добавив гаденько: – Не без моей помощи, конечно!»

Он стер с лица блудливую улыбку и протянул руку Вадиму.

– Бывай, – пробормотал добродушно.

– И тебе не хворать, – хмыкнул Пряшников, задержав его ладонь в своей. А потом жестко добавил: – Девчонка хорошая, Джин. Постарайся сильно ее не обидеть.

– Обалденная, – кивнул, соглашаясь, Гаранин и зло пробурчал: – Они все суки, Вадик. Ну, может, твоя Ленка исключение. Специально обижать не стану, а там как получится, – заметил, поморщившись.

– Потом не жалуйся, – равнодушно бросил Вадим и, надев лыжи, первым выскочил со двора. Следом потянулась и команда. Последней двор покинула Лена, насупленная и серьезная.

Арсений долго глядел, как группа, яркими пятнами растянувшись по дороге, направляется через лес к Крушину. Пряшниковы, пропустив народ вперед, плелись сзади переругиваясь. Потом остановились, и Ленка принялась что-то объяснять мужу. Когда же отряд лыжников скрылся из виду, Гаранин несколько раз сбегал к проруби, наполняя водой большую выварку, стоящую прямо на кухне, и натаскал дров.

– На пару дней должно хватить, – решил он и, на ходу снимая старый растянутый свитер, быстрым шагом направился в зимовку, где сладким сном спала разомлевшая гостья.

Но он ошибался. Из маленького окошка Света наблюдала, как постепенно фигурки недавних товарищей становятся все меньше и меньше, исчезая в леске по соседству. Видела, как по двору бегают хозяин, заготавливая дрова и воду, будто за ним носится черт с дубиной. Она вернулась обратно в постель и, закрыв глаза, принялась размышлять, во что влипла.

«Сама-то хороша, – хмыкнула она недовольно, не ожидая от себя такой реакции – запрыгнуть в постель к незнакомому мужику, трезво и внятно обговорив условия. Хоть Ленка, как Минздрав, предупредила, но Света лишь посмеялась. – Гаранин в ж. пу ранен! – Так, кажется, о нем отзываются друзья и между собой зовут его Джин. Хамоватый, циничный, но мне с ним детей не крестить», – мысленно отмахнулась она, прекрасно понимая, что уже совсем скоро придется возвращаться к цивилизации. И неожиданно провалилась в глубокий и спокойный сон. Наверное, в первый раз за последний год.

Проснувшись от молодецкого храпа навалившегося сверху Гаранина и увидев, что за окном стемнело, гостья протянула руку за телефоном, тщетно пытаясь понять, который час.

– Половина пятого, – пробубнил хозяин дома, сгребая ее в охапку. – Полярная ночь. Спи, малышка.

– Уже сил нет, – пробормотала она, положив голову ему на грудь.

Арсений грубовато провел ладонью по спине, потом хозяйским жестом потрогал ягодицы и, довольно усмехнувшись, бросил небрежно:

– Сейчас поедим, а потом еще поваляемся, идет?

– Вполне, – лениво согласилась Света, зевая. – Позови, когда пригостишь.

– Может, еще в постель принести? – хмыкнул он небрежно.

– Неси, – милостиво разрешила она. – Только с подносом на ступеньках не растянись.

Он рассмеялся и, сжав в огромной ладони идеальный шар груди, предупредил:

– Много на себя берешь, девочка.

– Только тебя, мальчик, – улыбнулась она.

– Ну-ну, – пробурчал он и голым вышел из комнаты.

Света глянула вслед, отмечая про себя накачанную спину и округлую крепкую задницу. Хорош!

Хозяин дома, несмотря на предупреждения Ленки, ей понравился. Блондин с зелеными глазами и суровым лицом с высокими скулами показался ей голливудским красавцем.

«Ну и что, что наглый? – мысленно отмахнулась она от мрачных прогнозов Пряшниковой. – Надоест, уеду!»

И тут же осеклась, прекрасно понимая, что ехать особо и некуда. У родителей и у нее дома уже расставлены ловушки, да и у крестного караулят.

«Там будут искать в первую очередь, – подумала она про себя и обвела маленькую комнату с невысоким потолком критичным взглядом. – А тут ничего. Жить можно. Останусь,

пока хозяин не выгонит. – И сама себя предупредила: – Тогда засунь свой маленький язычок подальше и постарайся не ссориться с ним».

Света взяла телефон, в день поездки купленный Ленкой по паспорту ее тетки, и, с удивлением обнаружив, что в этом медвежьем углу имеется неплохой интернет, отбила в телеграм эсэмэс-ку матери.

– Я в порядке, мутер. Беспокоюсь о Женьке.

– Слава Богу! – тут же ответила мать. – Твой сын у нас, в полной безопасности. Арман контролирует ситуацию с Д.

– Спасибо, – напечатала Света, вовсе не чувствуя благодарности. Она вздохнула, пытаясь унять нарастающее раздражение к отчиму. «Арман! Бог солнца, блин! Но... – она перебила сама себя. – Если вмешался де Анвиль, да еще натравил полицию и своих адвокатов, то кое-кому явно придется эмигрировать в Бразилию или в Австралию. Хотя... Арман и там найдет!»

Решив подремать, она спрятала телефон под подушку. Но кошмары не заставили себя ждать. Снова как наяву, слышались визг тормозов и крики толпы. А перед глазами вверх поднимался тонкий черный дымок, а потом грянул взрыв, раскидывая по воздуху покореженные листы металла и куски человеческой плоти.

Света подскочила с кровати.

«Хватит! Перестань! Твои воспоминания никого не вернут!» – велела она себе и, накинув на голое тело махровый халат Гаранина, поплелась на кухню.

Арсений, радостно фыркая, плескался в раковине.

– О, герцогиня пожаловала, – осклабился он, потянувшись за полотенцем.

– Графиня, – поправила она не без сарказма и тут же предложила весело: – Картошку пожарить? Будешь? Что-то так захотелось...

– Давай, сейчас из погреба принесу, – тут же согласился он.

– А ты откуда Пряшниковых знаешь? – чуть позже поинтересовался Арсений, невзначай заглядывая в запах халата. Света, казалось, не обращала внимания на его жадные взгляды и ловко нарезала картошку ровными красивыми брусочками, а потом крошила мелко лук и белые грибы.

– Мы с Леной учились вместе, – бросила она, аккуратно высыпая картофель в раскаленное масло.

– Где? – уточнил Гаранин, понимая, что снова поймал гостью на вранье.

– В школе, – весело отмахнулась Света. – В одном классе.

Можно было прижучить девчонку и объяснить ей в простых русских выражениях, что Лена Пряшникова закончила гимназию с углубленным изучением немецкого языка, а не общеобразовательную школу где-нибудь в Люберцах или Наро-Фоминске. И хоть по карте от центра Москвы до означенных населенных пунктов полшага, на самом деле расстояние измеряется в миллионах световых лет, да и реальности параллельны и никогда не пересекаются. Хотя и совпали в данном случае. Но... Гаранин пресек собственные рассуждения.

«Мне-то какое дело до ее лжи? Что я, Полиграф Полиграфович? – мысленно хмыкнул Арсений, вспоминая, что девица прибыла в старом Ленкином лыжном костюме и с ее же потрепанным рюкзаком. – На свою экипировку денег не нашлось. Одеди, обули из жалости, а она теперь дружкой кичится, – отметил он про себя, но говорить ничего не стал, опасаясь ненужной ссоры. – Вспылит и уедет в город, а ты один останешься. Так хоть в мороз баба теплая в койке ластится, а останешься один, придется в тулупе и в шапке спать. Да и что делать, как не трахаться, если световой день меньше шести часов?»

Гаранин, почувствовав, как его снова охватывает желание, покосился на сковородку, стоявшую на конфорке печурки, примыкавшей к большой русской печи.

– Иди ко мне, маленькая, – хрипло позвал он, и когда Света шагнула к нему, одним движением усадил ее на крепкий кухонный стол и распахнул полы халата.

– Нет сил ждать, – пробормотал Арсений, проникая в мягкую податливую плоть и задавая ритм. Девчонка прижалась к нему всем телом, поерзала, послушно принимая в себя ГГ – гордость Гаранина, и, принаравливаясь к нужному темпу, слегка застонала.

«Глупенькая давалка, – жалостливо хмыкнул про себя Арсений, оглаживая ладонью девичью щеку. – И тут врешь. Но кого ты пытаешься обмануть?»

Глава 2

– Вкусная жареха, – довольно протянул Гаранин, выгребая из сковородки остатки картошки. – Сама-то что так мало съела?

– Не лезет, – печально усмехнулась Света. – Я в последнее время вообще есть не могу.

– Здесь Север, маленькая, и без нормальной еды не выжить. Брось свои диеты и налегай на картоху, или вот бычков в томате еще возьми.

Он придвинул к ней полупустую банку.

– Хлебушком помакать – самое оно, – запричитал, заохал.

«Зачем он из себя местного строит? – в сердцах подумала Света. – Ну какой из него деревенский дед? На лице высшее образование и школа МБА написаны».

Света поморщилась.

– Не люблю рыбные консервы, – пробормотала она. – Разве что макрель...

– Макрель? – захохотал Сеня. – Скумбрия по-нашему?

– Допустим, – согласилась она. – Но с мидиями и лимоном. Очень вкусно.

– Мидии у нас в стране только мороженные, – отмахнулся Гаранин. – А тут и таких нет.

В каком ресторане тебе сей деликатес подавали?

Света промолчала. Объяснять что-либо хозяину дома не хотелось.

– Уже забыла, – бросила она. – Мы раньше по ресторанам часто ходили.

– С кем? – заинтересовался Арсений.

– С мужем, с друзьями, – она передернула плечами. – Да мало ли...

– Ты замужем? – напрягся он, представляя, как к нему в дом вваливаются люмпен-пролетарии и пытаются махать кулаками. Или шантажировать. А еще хуже, если вычислят, кто отец, и заявятся к нему.

– Нет, – насупилась гостя над нелюбимыми бычками. Принялась сосредоточенно есть.

– Развелись? – небрежно хмыкнул Гаранин и потянулся за чайником с заваркой и огромной, как ведро, кружкой.

– Он погиб два года назад, – печально заметила Света.

– С катушек слетел? – сварливо пробрюзжал Гаранин, подразумевая любовь к водочке или к наркотикам.

– На машине разбился, – прошептала Света. И Арсений почувствовал, как у нее дрогнул голос. Видать, до сих пор не отпустило. Хотя и не мешает по чужим койкам путешествовать. Эх, бабы-бабы!

– Пьяным за руль сел? – решил вызнать подробности Гаранин, удивляясь собственному любопытству и бестактности.

– Нет, ошибка техника. Колесо плохо прикрутили, – объяснила она, все ниже склоняя голову. – Не вписался в поворот.

– Значит, гнал на большой скорости, – догадался Арсений и поинтересовался мимоходом: – Следствие было? В суд подали?

– Да, – кивнула Света. – Выиграли процесс.

– Башляли судье небось?

– Нет, – она мотнула головой. – Никому ничего не платили.

«Врет, как дышит, – подумал Арсений. – В нашем суде и не платили. Ага!»

Но спорить с девчонкой ему не хотелось. И, потянувшись за пультом, Гаранин ткнул в первый попавшийся канал. Оказалось – новости.

– У вас тут и интернет, и телевидение, – тихо заметила Света. – Даже не знала, что в такой глуши есть все прелести цивилизации.

– Ну не все, – отмахнулся Арсений. – Канализации нет, ватерклозета тоже. Зато я от озера к дому проложил трубопровод и машинку стиральную из Москвы выписал. Насос приладил. И теперь у меня стирка прям как в городе. Да и вода из крана бежит.

– Здорово, – согласилась Света.

– Электричество сюда Советская власть провела. Здесь же раньше фермы вокруг были. В этой деревне, Гречишкине, молочно-товарная ферма, в Курыгино свиней разводили. Люди лошадей держали, огороды возделывали. А сейчас почти никого не осталось. Здесь только я живу, а дальше по озеру – по две, три семьи от силы.

– А почему в город не вернешься?

– Зачем? – Гаранин снисходительно глянул на гостью. – Что там делать, маленькая? Тут красота! Реки, озера. Храмы старинные. Оставайся, все тебе покажу.

– Не знаю, – качнула головой Света. – У меня сын с мамой остался. Пару дней погощу, а потом придется вернуться.

– В Москву? – хмыкнул он, уже придумывая ей поручение.

– Нет, – отмахнулась она. – К маме поеду.

– Куда?

– Поселок Бордовый, – невесело улыбнулась она, не желая посвящать его в подробности своей жизни. Но и врать не хотелось.

– Где это? – удивился он.

– Две тысячи девятьсот двадцать пять километров от Москвы, – отрапортовала Света и не покривила душой. Ни капельки!

И Гаранин в уме прикинул, какой известный населенный пункт может находиться поблизости.

«Наверное, дремучая дыра недалеко от Кемерово», – мысленно поморщился он, намереваясь вернуться обратно в постель, как на экране появилась криминальная хроника.

– Сделай громче, – напряглась Света, уставившись в экран.

А там дикторша, молодая и тоненькая, бодро вещала о нападении прямо на парковке аэропорта в далеком южном городе на известного рокера Азимута, по паспорту – Дмитрия Харитонов. На фотографии возник лысый мужик с нервным длинным лицом и хитрым прищуром.

– Никогда не слыхал о таком, – пробурчал недовольно Гаранин и уже собрался переключить канал, как Света попросила жалобно:

– Я знаю. Оставь, пожалуйста!

– Пойду лягу, – недовольно пробубнил Гаранин и, шаркая как старик, вышел из кухни. Она прислушалась. Хлопнула дверь, ведущая в неотапливаемую часть дома, где располагались сараи и туалет. Все под одной крышей с жилой частью.

«Скоро пойдет обратно», – саму себя поторопила Света и, внимательно следя за происходящим на экране, достала из кармана сотовый. Но так и застыла на месте.

– Пострадавший доставлен в больницу с огнестрельным ранением. В данный момент врачи борются за его жизнь, – весело сообщила диктор и принялась рассказывать о журналистском расследовании. – Нам удалось выяснить, что Харитонов находился около аэропорта не случайно. Он встречал знакомую. Свидетели подтвердили, что за секунду до того, как грянул выстрел, он что-то крикнул выходящей из здания девушке. Но несмотря на имеющуюся запись камер, по горячим следам найти ее не удалось.

А дальше под обычные воззвания «кто видел, кто знает» по экрану пошли мутные кадры.

Девушка с распущенными волосами, на каблуках и с дорожной сумкой гордо шествовала к выходу, отмахивалась от назойливых таксистов и тянула шею, высматривая встречающего ее человека. А вот она уже бежит обратно с перекошенным от страха лицом и орет что есть мочи:

– Человека убили! Там человека убили!

Полиция и охрана устремляются наружу. Кто-то вызывает оперативников, кто-то огораживает место происшествия. На этом кадры обрывались.

– Видимо, девушка смешалась с толпой и вышла через другой выход, – заявила диктор и предоставила слово пресс-секретарю УВД.

– Идиотки, – пробормотала Света, вспоминая, как на ватных ногах доковыляла до туалета и заперлась в свободной кабинке. Сначала пытаясь взять себя в руки, а потом решая, что делать. Один раз кто-то нетерпеливо дернул за ручку и грубо поинтересовался:

– Есть тут кто?

– Qu'est-cequ'il y a? Что случилось? – истерично вскрикнула она.

– Простите, мадам, – пробурчала какая-то женщина. И вдалеке хлопнула входная дверь. «Ищут меня, твою мать», – про себя выругалась Света и принялась переодеваться.

Вывернула наизнанку двусторонний пуховик «Прада» и вмиг очутилась в оранжевом ужасе с темно-синей подкладкой, намотала на шею шаль, что собиралась подарить жене родного отца.

«Прости, Зина», – мысленно попросила она прощения у этой святой женщины. И затем около домофоников слегка помяла мокрыми руками выпрямленные утюжком волосы. Сразу после таких манипуляций шевелюра приобрела природную повышенную лохматость.

– Будто другой человек, – пробурчала себе под нос Света и, нацепив на нос дымчатые очки, с гордо поднятой головой прошествовала к кассе. А купив билет в бизнес-класс до Москвы, сразу прошла регистрацию и одной из последних вбежала по рукаву в самолет. Два часа она не отрываясь пялилась в иллюминатор, пытаясь понять, что предпринять дальше. Потом на метро доехала до станции Смоленской, где когда-то жила с родителями и маленьким братом.

«Мишутка тогда только родился», – хмыкнула она горько и, запретив себе идти к родному дому, расположенному в Плотниковом переулке, свернула на Новый Арбат к Ленке Пряшниковой, в девичестве Ригерт.

– Ца-ри-герт, – всхлипнула Света, вспомнив, как шутя звали их одноклассники, а потом, словно опомнившись, опять покосилась на дверь, за которой скрылся Гаранин, и набрала по памяти номер телефона, состоящий из нулей и единиц.

– Крестный, – проскулила она. – Как там Митя?

– Каком кверху, – сварливо пролаяла трубка. – Не бойсь, вычухается! К нему сейчас из Москвы врачи летят, я денег дал. Еще пацаны бабла накидали. – Потом Виктор Николаевич Пахомов перевел дух и строго осведомился: – Ты хоть в безопасности?

– Да, – уверила Света, твердо зная, что ни Ленка, ни Вадим никому слова не скажут.

– Вот и оставайся там, – велел Пахомов. – Сдается мне, это тебя поджидали, моя радость. Тихо пока сиди, не отсвечивай. Завтра из Бордо домой прилечу, разберусь.

– Ты думаешь, это люди Жерара? – прошептала она, с ужасом вспоминая о младшем брате Люсьена.

– Не мели чушь, родная, – устало бросил Виктор. – У этого ублюдка ума хватит тебя третировать. А тут ресурс нужен. Времени, людей. А твой бывший деверь – пустышка, у него ничего нет. Это кто-то наш, местный. Митяй знал подошедших к нему людей, перетирал с ними минут десять, тебя поджидая. Ладно, – решил закончить разговор Пахомов. – Давай, спиногрыз...

– Подожди, – взмолилась Света. – Ты к папе пойдешь перед отъездом?

– Ну да, – возмутился такому вопросу Витька. – Ты же знаешь!

– Попроси его, пожалуйста, пусть он за Женечкой присмотрит. Убережет его!

– Хорошо, – согласился Пахомов, мысленно отмечая, что завтра на могилке Иштвана нужно не забыть о просьбе Светы. – Все, целую тебя, – пробурчал он и велел ворчливо: –

Матери пиши, а то она совсем извелась за эти дни. Дурдом какой-то! Каждые пятнадцать лет новый шухер. Не живем, как остальные люди, мирно и спокойно...

– Я тоже тебя люблю и целую, – пробормотала Света и, услышав, как топчет в коридоре Гаранин, нажала на кнопку отбоя.

Он вернулся на кухню и сразу же предложил:

– Хочешь искупаться? Я там душ походный собрал.

– Конечно, – кивнула она. – Только нужно нагреть воду.

– Вода есть, – он посмотрел на нее, как на дурочку, а потом шагнул к белой печурке, примостившейся сбоку к русской печи. Поднял крышку встроенного бака.

– Смотри!

Света с удивлением обнаружила полный бак горячей воды.

– Чудеса, – протянула изумленно.

– Ага, – крикнул Гаранин и добавил едко: – Волшебство.

В маленькой комнатухе, куда Арсений торжественно завел гостью, было натоплено. И немудрено, если одна стена горячая – от печи. Арсений установил по центру походную душевую кабинку: брезентовые поддон и пол, укрепленные в специальных рамках, лейка с отверстиями, подвешенная за самодельный крючок к люстре.

– Раздевайся, маленькая. Я сейчас воды принесу.

И не обманул – припер пластмассовый бак, полный горячей воды. Поставил туда насос и принялся качать воду. Из маленькой душевой головки полились бойкие струйки.

Света вступила внутрь, понимая, что волшебство долго не продлится. Минута-другая-и вода перельется через край.

– На пол не натеет? – испуганно поинтересовалась она.

– Глупости, купайся спокойно, – отрезал Гаранин. – Внизу соседей нет, – хохотнул он и горделиво добавил, – я предусмотрел систему водоотведения. Посмотри.

Света выглянула из-за брезента и уставилась на толстый шланг, уходивший под пол.

– Там корыто, – пояснил Арсений ноу-хау. – Даже если перельется, ничего страшного. Пол в сарае земляной.

– Изобретатель, – фыркнула Света и скрылась в ходившей ходуном кабинке.

Гаранин расхохотался.

– Ну какое это изобретение, маленькая?! Обычная смекалка.

А когда гостя надумала выходить, бережно укутал в банную простыню и быстро отнес в постель, в натопленную спальню.

– Почему ты эту комнату зовешь зимовкой? – поинтересовалась она, укладываясь на подушки.

– В самые сильные морозы я тут живу. Расход тепла меньше. Только одна стена наружная, есть своя печка. Протопить легче. Да и дрова экономлю, – объяснил Гаранин и добавил веско – Не надевай ничего. Сейчас вернусь, согрею тебя.

Оставшись одна, Света уселась на кровати и распустила волосы, собранные в дульку. Тяжелые локоны упали на спину и грудь. Она почувствовала, как внутри все леденеет от паники.

«Меня ждали? Почему? Я в родном городе сто лет не была, – попыталась она сообразить, что происходит. Из всех щелей полезли воспоминания, как пятнадцать с лишним лет назад они с матерью, Мишкой и крестным покидали город в ночи. Даже точную дату можно определить, – отрешенно подумала она. – Мама в тот день поругалась с Иваном, папашей моим биологическим. Вызвала крестного. Они тогда еще с похорон приехали. А кого хоронили? – у самой себя поинтересовалась Света. – Папа в Москве погиб весной, застрелили прямо в кабинете. Тогда весь мир перевернулся».

Она попыталась вспомнить что-то еще их тех давних событий, как скрипнула дверь и сзади послышались шаги.

Гаранин в одном банном халате уселся рядом и сразу же полез целоваться. А потом перешел к более решительным действиям, подмяв ее под себя. Когда же после резкого толчка Арсений застонал и рухнул сверху, придавливая ее всей массой к кровати, Света насилу перевела дух.

– Слезь с меня, – попросила она. – Тяжело.

Он скатился с нее, но увлек за собой, повернулся на спину. Света, оказавшись у него на груди, попыталась освободиться из стальных объятий.

– А ты сладкая, маленькая, – пробормотал Гаранин, прижимая ее к себе еще крепче. – Погости у меня, а? Тебе ведь тоже хорошо. Ничего делать тебя не заставляю. Только давай, когда захочу, и все. Все хозяйство на мне и так. Будешь жить, как королева. Оставайся, прошу!

Он прошелся языком по ключице, потом захватил губами сосок и пробубнил чуть слышно:

– Что-то я долго без бабы жил, или ты меня околдовала, маленькая...

– Ладно, – усмехнулась Света. – Умеешь ты уговаривать, Джин. Только когда решусь уехать, ты отвезешь меня в Зарецк и посадишь на поезд. Договорились?

– Конечно, кукленок, – осклабился Гаранин, а про себя подумал, как же ему повезло. Никаких ухаживаний, разговоров о любви и прочей ерунды. Никаких обязательств и совместных планов. Только секс даже без намека на романтику. Глупо было бы упускать такую возможность.

– Только одна просьба, – Арсений притянул гостью к себе, плотно обхватил за шею. – Пока ты со мной живешь, на других мужиков даже не засматривайся. Иначе взашей выгоню, – предупредил он и глухо добавил – Меня не волнует твой муж или бывшие любовники. Наплевать, в какую койку ты попадешь после. Но пока гостишь у меня, постарайся воздержаться от связей на стороне. Ясно? – Гаранин бешеным взглядом уставился на нее.

– Хорошо, – пробормотала она и, скатившись с него, легла рядом. Приподнялась, упершись на локте. – Ты всегда о людях только плохое думаешь? – фыркнула она, негодуя от его условий. – Лучше мне уехать...

Гаранина аж подкинуло на кровати, будто в район поясницы дали разряд электрическим током.

– Даже не думай! – взревел он. – Я не позволю!

– Запомни, мальчик, – Светкин палец уперся ему в грудь. – Я здесь по собственной воле. Начнешь строить из себя ревнивого супруга, прощаемся.

– Супруга? – переспросил он насмешливо. – Боже упаси, моя сладкая!

Арсений, намотав на палец длинный каштановый локон, прошептал на ухо новой любимице:

– Никто больше тебя так не удовлетворит, маленькая. Вспомнишь еще.

– Какая реклама, твою мать! И как это в вашей глуши еще не прознали о твоих великих талантах? Где толпы голодных разведенков, мечтающих только о том, как ты их обилетишь?

– В здешних краях все наоборот, – осклабился Гаранин, неспешно проводя ладонью по внутренней стороне ее бедра. – Женщин мало, с мужиками перебор. Дамочки фертильного возраста давно умотали куда подальше. Вот молодые мужики и женятся на тетках под полтинник, и жутко счастливы. Это же Север, сладенькая!

Света внутренне поморщилась от дурацких обращений Гаранина и от его глупых условий.

«Редкий идиот! У него явно не ранение Форреста Гампа, а посложнее. В башку ударила болванка. И разнесла на части мозг».

Глава 3

Ночью поднялась метель. И Гаранин даже сквозь сон чувствовал, как холодный воздух скользит по лицу. За окном завывал ветер, которому вторил звериный вой. Тихий и зловещий. Где-то совсем рядом.

«Проклятые твари», – мысленно выругался Арсений, вспоминая прошлую зиму, когда вездесущие волки порвали Бимку, его любимого пса.

Гаранин поморщился, смахивая застарелую горечь. Сел на кровати, прислушался. За окном стояла тихая морозная ночь, никакой метели. А вой приближался, словно кольцо хищников сжималось вокруг его дома. Явно не ветер, хотя в зимовке чувствовался морозный воздух, вползающий в комнату с утробным, низким гулом, будто и двери ему не помеха. Арсений печенкой ощутил неладное и аж подскочил с постели. Светы рядом не оказалось. Лялька, призванная греть его кости днем и ночью, куда-то запропастилась, наплевав на договор. Гаранин босиком выскочил из зимовки и остолбенел. Через распахнутую входную дверь в сени живо струился снег. Уже по углам намело. Ругаясь последними словами, Арсений сунул ноги в валенки и, как был в одних трусах, скатился вниз. На крыльце, завернувшись в его старый тулуп, сидела Света и беззвучно рыдала.

– Твою мать! – заорал Гаранин. – Что творишь, чертова кукла?!

Он подхватил ее сначала за шиворот, потом на руки и, несмотря на сопротивление втащив в дом, захлопнул дверь. На миг увидел блеснувшие неподалеку два желтых сверкающих в темноте глаза. Волк, твою мать! У самой изгороди! Или показалось...

– Ты что творишь, дура? – рыкнул, сдирая полшубок с девчонки и затаскивая в зимовку. – Если самой жизни не жалко, о других бы подумала...

Она ошеломленно глянула на него и хрипло бросила:

– Что так тебя напугало, мальчик? Темноты боишься?

– Волки, твою мать! Понимаешь?

– В-в-волки? К-к-какие? – заикаясь, пролепетала Света.

– Серые, твою мать, – ругнулся Гаранин. – Четыре лапы, хвост и большие зубы. Клац-клац, – Гаранин издевательски пощелкал зубами, словно девчонка была слабоумная. – Помнишь сказку про Красную шапочку?

– Она не про это, – криво усмехнулась Света, отворачиваясь.

– Я с тобой сейчас не о сказочках разговариваю, поняла? – Арсений схватил ее за плечи и принялся трусить, развернув к себе. – Тут лес. Понимаешь? Дикие места! Живность водится всякая! Хищников полно! Нужно соблюдать меры безопасности! – кричал он во все горло, нависая над ней, перестав встряхивать. Лишь огромные лапы сдавливали худые плечи.

– Не ори на меня, – Света передернула плечами, скидывая его руки. Не получилось. – Не дави на меня, – попросила чуть слышно. И Гаранину почудились стальные нотки в ее голосе. Он демонстративно убрал ладони и так же тихо поинтересовался:

– Ты хоть понимаешь, что чуть не погубила нас?

– Прости, не подумала, – шепотом призналась она, опуская голову. Арсению хватило доли минуты, чтобы поднять подбородок гостью и заглянуть в глаза, полные слез.

– Я чем-то обидел тебя? – осведомился угрюмо. Бабских слез ему тут только не хватало.

«Лучше отвезу в Зарецк, – мысленно решил он. – Мне лялька нужна для радости. А выяснять отношения мне и так есть с кем. Народ четыре года в очереди стоит. Первая, конечно, Полина...» – поморщился Гаранин, не желая вдаваться в воспоминания о жене, и уставился на Свету, тощеньким кулачком утиравшую глаза.

– Что тебя на улицу понесло, милая? – хмыкнул он, смахивая с ее скулы одинокую слезинку. – Решила воспаление легких схлопотать?

– Я же тулуп надела, – пробормотала она, игнорируя первый вопрос.

– Тулуп, – фыркнул он. – Вся душа нараспашку. А тут лекарств нет. Даже дурацкого тетрациклина не сыщешь, – предупредил Гаранин, сильно покривив душой. На дне аптечки лежали ампулы новейшего французского антибиотика фирмы «Анвильфармасьон», но перевозить сильнодействующее лекарство из-за глупости ляльки Арсению Гаранину не хотелось. Мало ли кому из местных понадобится...

Но Света даже внимания не обратила на его нравоучения.

– Рожденный быть повешенным, да не утопнет, – отмахнулась она и как ни в чем не бывало собралась лечь в кровать.

– Иди сюда, – поманил ее Арсений, подойдя к окну. – Только свет выключи.

– Там парочка под окном целуется? – усмехнулась она и, обув наполовину чуни, выданные хозяином дома, поспешила к нему.

– Гляди, – ткнул пальцем в окно Гаранин. – Видишь желтые огоньки?

– Прямо около забора? – уточнила Света.

– Да, два около забора, а еще четыре подальше. Видишь?

– Что это?

– Волки, мадам, – пробурчал недовольно Арсений. – Около забора вожак, а чуть дальше остальные. Если б я вовремя не проснулся, устроили б они тебе последний день Помпеи. А потом и мне...

Света уставилась на него огромными медово-янтарными глазами, словно силилась понять, что он ей пытается объяснить.

– Знаешь, что такое Помпеи? – снисходительно поинтересовался Гаранин.

Она моргнула и, снова уставившись на него, невинно осведомилась:

– Стадион?

Арсений расхохотался в голос, не желая себя сдерживать. Сквозь слезы улыбнулась и гостья.

– Давай спать, – протянула она. – А то потом до самого утра не заснем.

– Сейчас светает поздно. До десяти можно смело дрыхнуть. Да и потом тоже. Делать-то все равно нечего. Метель начинается. Со двора выходить опасно. Так заметет, что потом обратной дороги не найдешь. Сделаешь только шаг в сторону, уже обратно не вернешься. Если не волки, так генерал Мороз постарается.

– Я поняла, – пробурчала Света и юркнула в постель, желая поскорее избавиться от нотаций.

– Если с головой не дружишь, я тебя быстренько в цивилизацию отправлю.

– К утру заметет, потом передумаешь, – хмыкнула она, поворачиваясь к стене.

– Тогда ты должна постараться, чтобы я смог забыть сегодняшний инцидент.

– Ага, – отмахнулась она. – Завтра постараюсь. Теперь спи. Нужно уметь оставаться один на один со своими страхами.

– А ты, оказывается, психолог, – насмешливо пробурчал он.

Но Света не удостоила его ответом. Тонкий палец прошелся по гладкой лакированной доске, гостья вздохнула тяжело и лишь пробормотала:

– Спокойной ночи.

– Спи, моя радость, усни, – пробурчал Гаранин и притянул к себе глупую ляльку. Разомлев в объятиях хозяина дома, гостья успокоилась.

Намного позже, оказавшись в кольце теплых рук Гаранина, она мысленно хмыкнула, снова представив удивленные глаза Джина, когда он услышал ее ответ про Помпеи. Сознание моментально перенесло в жаркое итальянское утро. Она снова с группой девчонок из лицея брела по песчаным дорожкам и вполуха слушала экскурсовода. Зато во все глаза разглядывала

высокого блондина в белых отглаженных брюках и в такой же поло. Парень о чем-то смеялся с друзьями и украдкой косился в ее сторону.

– Знаешь, кто это? – зашептала на ухо Марго, самая близкая подруга. – Это сам Люсьен де Гралье!

– А-а, – разочарованно протянула Света, понимая, что ей не удастся даже поговорить с этим красавчиком, чьи фотки украшали журналы с модной одеждой, сыном самой Николь де Гралье, легендарной модели прошлого, обожаемой Сен-Лораном и Ральфом Лореном. Она прекрасно помнила, как, сделав умное лицо, попробовала внимательно слушать гида, хотя античный город и его раскопки ее интересовали меньше всего. Но потом увлеклась и уже видела крупный торговый порт, людей, спешащих по своим делам, и детей, играющих неподалеку. Никто ничего не подозревал, когда содрогнулась земля и кипящая лава понеслась вниз, раз и навсегда превращая в пепел все живое на сотни километров вокруг. Света вздрогнула и чуть было не споткнулась о камень, когда сильная рука подхватила ее.

– Осторожнее, мадемуазель, – улыбнулся парень во все тридцать два зуба. Да и она сама растянула губы в улыбке.

– Люсьен де Гралье, – представился он, будто она не знала!

– Лана де Анвиль, – кивнула Света.

– Мы вечером с друзьями собираемся прогуляться по ночному Неаполю, не хотите составить компанию?

Она растерялась, боясь выдать свой восторг. Но Люсьен воспринял ее паузу иначе.

– Мы приличные молодые люди, и с нами вы будете в полной безопасности, – предупредил он и, смущаясь, добавил: – Хотите, я попрошу свою маму присоединиться к нам?

– Я была бы счастлива познакомиться со знаменитой Николь де Гралье, – бесхитростно призналась Света.

– Вот так всегда, – хохотнул Люсьен. – И почему всем девушкам больше интересна моя мать, чем я сам?

И конечно, их случайная встреча не осталась незамеченной. Девчонки наперебой просили познакомиться с любым из друзей Люсьена и тут же умоляли взять автограф у самой Николь. Сколько потом вспоминала Света, будущая свекровь с первого раза отнеслась к ней благосклонно. Немножко с юмором, больше с любопытством она наблюдала за своим взрослым сыном двадцати пяти лет и тоненькой выпускницей лицея, только-только справившей свой семнадцатый день рождения. После Неаполя они пару раз встречались в Париже, куда Света вернулась по просьбе матери. Арман выбивал для своего производства новые госзаказы и целыми днями пропадал в Елисейском дворце, а в свободное время помогал Пахомову открыть русский ресторан на Монмартре. Поэтому приходилось вдвоем с маман бродить по магазинам и засиживаться в кафе, любуясь неспешной жизнью парижских улиц. Они даже умудрились заглянуть в Орсе на выставку. А там случайно столкнулись с Николь, участвовавшей в какой-то съемке, проходившей в одном из залов музея. Мадам Гралье радостно поздоровалась со Светой и ее матерью, а потом, приобняв девочку за плечи, представила сухопарому седому старику в черных перчатках и квадратных очках. Ральф – я вас умоляю – Лорен!

– Откуда ты знаешь Гралье? – только и смогла вымолвить удивленная мать, когда они возвращались домой на машине вместе с заехавшими за ними Арманом и дядей Витей Пахомовым. Света путано попыталась объяснить, но, оказывается, Люсьен уже пообедал с ее отчимом и, заявив о серьезных намерениях, испросил разрешение ухаживать. Это в наше время, когда люди живут годами и не регистрируют брак хотя бы в мэрии?! Когда женщина может родить ребенка для себя! Люсьен де Гралье, словно на рыцарском турнире, выбрал ее прекрасной дамой и кинулся в бой за ее благосклонность.

– Ты хочешь его? – беспардонно осведомился Арман, вытянув длинные ноги в синих брючинах. Света уставилась на него вытаращенными глазами. Он вообще в своем уме?

– Конечно, хочу! – крикнула она. – Я люблю его!

– Ну-ну, спиногрыз, – миролюбиво заметил крестный, а Арман, усмехнувшись криво, пробормотал что-то про главные инвестиции в жизни женщины.

Люсьен ухаживал красиво, а через месяц сделал предложение. Света помнила, как вернулась в лицей с болтающимся на безымянном пальце кольцом и как директриса потребовала его снять и спрятать в сейф.

– Два карата, – недовольно просипела она. Пришлось подчиниться. Люсьен, конечно, расстроился, но купил в первой попавшейся ювелирной лавке кольцо с искусственным сапфиром и торжественно вручил ей прямо на улице.

Тогда казалось, что счастье бесконечно и никакой Везувий не сможет разрушить его. Света тяжело вздохнула, пытаясь отогнать начавшие подступать кошмары, когда увесистая ладонь Гаранина легла ей на грудь.

– Не бойся, не выгоню, – пробормотал он, наваливаясь. – Только ты больше не делай глупостей.

– Инструктаж проведи, – хмыкнула она.

– Это теперь так называется, – хохотнул он. – Сейчас проведу. – И полез целоваться.

Немногим позже, откатившись от задремавшего Гаранина, Света снова устала в потолок, пытаясь хоть немного привести мысли в порядок. Но настроение заметно улучшилось. Наверное, доктор Секс постарался. Да и вопли Джина отогнали грустные воспоминания. Как же одно слово может поменять настроение.

А вот с вечера уснуть так и не удалось, ныли все кости и суставы с правой стороны. Может, натрудила, пока шагала на лыжах к этой богом забытой избушке, а может, как объясняла психолог, приставленная к ней сразу после гибели Люсьена, до сих пор беспокоит травма, связанная с потерей отца.

«Ага, просто беспокоит, блин! – про себя ощерилась Света. – Это же обычное дело! Еще в девять часов утра папа, молодой и красивый, подвез ее к школе, по пути подшучивая над ее тягой к любовным романам, а уже через полтора часа его нашли лежащим в собственном кабинете с простреленной головой. Пройдет со временем, правда? – про себя обратилась она к психологу, высокой худой даме с вечно коротким ежиком волос и пронзительными васильковыми глазами. – Конечно, стоит только попросить прощения и сказать слова любви», – ерничала мысленно Света, а потом печально подумала, что никто и никогда не заменит ей Иштвана Цагерта, пусть не родного по крови, но самого лучшего в мире отца. В тот момент она почувствовала, как задыхается рядом с храпящим Арсением и, нацепив старые стоптанные чуни, выскочила из зимовки. Надев по дороге тулуп Гаранина, Света отворила легковесный засов и, выйдя на крыльцо, остолбенела от увиденной красоты. По низкому черному небу, цеплявшемуся за верхушки деревьев, плавали огромные звезды. И казалось, весь Млечный Путь расположился в пределах вытянутой руки. Стоило только дотронуться до звезды. Ночное небо, усыпанное сверкающими огнями, ошеломило ее. Лишило дара речи. Оставалось только любоваться звездной дорогой, проложенной в небе создателем. И верить, исключительно верить, что там, среди звезд, плавают души отца и мужа.

Засмотревшись на мерцающие блики, она задумалась об Иштване Цагерте, воспитавшем ее, как родную. Стараясь не думать о муже – воспоминания о Люсьене еще бередили незатянувшуюся рану, вызывая каждый раз паническую атаку.

«Не смей, – велела она себе. – Здесь антидепрессантов нет. Один свежий воздух и доктор Секс, – Света усмехнулась мысленно, придумав смешное прозвище Гаранину. – Так называемый эффект попутчика. Только в койке. Никто никому ничего не должен. Никто не вникает в жизнь другого. Прекрасное сосуществование, обреченное на скорый конец».

Она укуталась поплотнее в овчинный тулуп и решила при первой возможности вернуться к сыну. У матери Мишка плюс трое малышей от Армана. Конечно, никто голый и босый по

лавкам не бегают, и сама мама, красивая и стройная в свои пятьдесят, выглядит настоящей графиней, под стать своему противному мужу. Света поморщилась, вспоминая об Армане, но тут же пресекла свои подростковые претензии. Именно отчим сейчас занимается ее проблемами. И только он и его вездесущие адвокаты смогут отстоять права вдовы и сына Люсьена де Гралье. Могущество Армана де Анвиля ненамного смирало ее со скоропалительным браком матери. Но отношения после нового замужества и рождения детей между матерью и старшей дочерью ухудшились. Была ли это банальная обида? Наверное. За себя, за любимого папочку, Света не знала, да и разбираться не хотела. Что толку ковырять в душе лыжной палкой! Конечно, до сих пор в ее голове не могло уложиться, как мама через восемь месяцев после гибели папы умудрилась вновь выскочить замуж? Как вообще посмела глядеть в сторону других мужиков? Ведь они с папой жили дружно и, казалось, что это и есть самая настоящая любовь, когда папа обожал, а мама позволяла себя любить. И хотя Арман – шикарный мужчина, от одного взгляда на которого сносило башню у многих женщин, Света Цагерт до сих пор обижалась на мать и даже не собиралась вникать в ее аргументы.

«Да и что она скажет? Как объяснит?» – мысленно отмахнулась она, пытаясь представить рядом отца. самого красивого мужчину на планете.

Длинное худое лицо словно выплыло из небытия. И Света уже не видела сверкающих звезд на ночном небе, а только глядела на любимый нос с горбинкой и копну зачесанных назад черных волос.

«Папа... папочка», – заныла она, понимая, как соскучилась. И в ту же минуту осознание полной безнадежности увидеться вновь всколыхнуло давнее горе. А от него, как рикошетом, поднялась боль недавней утраты.

«Перестань, – сама себя одернула Света. – Что толку от слез? – И снова повторила как мантру: – Нужно возвращаться...»

«Не высывайся, Светланка, – будто услышала она знакомый голос. – Сейчас не время. Побереги себя, дочка!»

Света, довольно усмехнувшись, вытерла слезы и снова уставилась на небо, молясь о двух заблудших душах и прося для них место в раю.

Она так замечталась, глядя на расплывающиеся в глазах огоньки, что не заметила, как сзади раздались шаги и сильная мужская рука сдернула ее с крыльца за воротник тулупа.

Глава 4

За те три дня, что на улице завывала пурга, Гаранин умудрился исследовать податливое тело гостыи вдоль и поперек, не оставив ни одного потайного местечка. Руки, губы, язык – все шло в ход. Арсений чувствовал, как нарастает желание, и не противился ему. Да и Света, кажется, не возражала. Устав от любовных ласк, они с трудом выползали на кухню, как два солдата с передовой, чудом нашедшие полевую кашеварню. Даже пюре приготовить и накидать туда тушенку из банки не хватало сил и времени. Арсений наскоро варил пельмени, благо покупал в Крушинино самые вкусные. Набив живот, Гаранин снова и снова обнимал гостыю и проваливался в короткий сон, на удивление спокойный и радостный. А потом опять просыпался от неумолимого желания. Нескончаемый любовный хоровод немного утомил Свету, но избавил от тяжких дум и воспоминаний. Она несколько раз урывками глядела в безмолвный мобильник, понимая, что связь восстановится только с хорошей погодой. Зато на четвертый день разъяснилось. Великий и могучий интернет протянул в зимовку свои щупальца вместе с солнечными лучами. Арсений проснулся от яркого света и пикинувшего мобильного гостыи. Она потянулась за телефоном и, сонно прищурив один глаз, принялась писать сообщение.

«Все в порядке, мутер!» – увидел из-за ее плеча Гаранин и, тихо хмыкнув, направился на кухню. Он успел поставить вариться гречку и вскрыл красным металлическим ножом банку с тушенкой, когда ожил и его сотовый. Арсений всмотрелся в экран, нехорошим словом помянув абонента.

– Бабай, твою мать, – прошептал он глухо и, ответив, в два шага вернулся в зимовку.

– Вставай, куколка, – попросил он Светлану. – Помоги собраться. Мне нужно срочно уехать. На час-полтора.

Гостыя не заставила себя упрашивать. Быстро подорвалась с кровати, натянула на голое тело уж ставший ее собственностью банный халат и поспешила на кухню. И когда Гаранин через двадцать минут снова ввалился на кухню, его ждал накрытый стол и заваренный чай. Даже конфетки и мармелад Света нашла в шкафу и выложила их в симпатичную вазочку, оставшуюся еще от прежних хозяев.

– Когда уйду, запишись на засов, – велел Арсений, запихивая в рот лимонную дольку, самый любимый мармелад. – Если кто припрется, это не повод открывать, поняла?

Она кивнула и, наливая себе чай, поинтересовалась мимоходом:

– А где у тебя нитки и иголки хранятся? Я бы полотенца подшила и твои майки залатала.

– Да ну их, – отмахнулся Гаранин, топоча к выходу. – Потом новые выпишу!

– Мне не сложно, – примирительно заметила Света. – А валяться уже надоело.

– Сготовь, приberi, – хохотнул он, сбегая по ступенькам.

– Щаз, шнурки поглажу, – отрезала она и под дурацкий смех Гаранина спустилась следом.

– Где сядешь, там и встанешь, да? – уточнил он, чмокая ее в лоб, а затем серьезно добавил: – В зале в шкафу поищи.

Он вышел на крыльцо и задумчиво глянул по сторонам, словно ища в воздухе ответы на набившие оскомину вопросы. Подождал, пока она закроет засов, а потом вывел из сарая черный мотовездеход Ямаха и, оседлав его, дал по газам.

– Идиот, – пробормотала Света, наблюдая в окно, как, разметая по сторонам снег, Арсений Гаранин мчится по льду прямо через замершее озеро.

Она прошла в зимовку и, плюхнувшись на кровать, позвонила сначала матери, а потом Ленке Пряшниковой.

Мать принялась рассказывать о проделках Эжена, а потом позвала к телефону его самого. Разговор с сыном настроил Свету на боевой лад.

– Прорвемся, Женечка, – пообещала она в трубку, когда ее десятилетний сын заныл, словно малолетка. – Слушайся бабушку и Армана, – предупредила она, – я вернусь при первой же возможности. Если встретишь дядю Жерара или Доменика, постарайся убежать.

– Хорошо, мама – согласился сын, по привычке делая ударение на втором слоге. – Я помню, как они мучили тебя.

Положив трубку, Света закрыла глаза, вспоминая, как почти сразу после похорон Люсьена и последовавшей за ними смертью Николь на правах хозяев в ее доме обосновались дальние родственники мужа и с какой-то стати начали требовать признать вдову Люсьена де Гралье недееспособной и установить опеку над его единственным сыном и наследником. В те дни она мало что понимала и не сразу заметила, как в доме неожиданно сменился персонал, а к ней самой приставили няньку-соглядатая. Света отмахнулась в который раз от своего внутреннего ада и набрала Ленку Пряшникову. Тут главным предметом беседы стал Арсений Юрьевич Гаранин, наследный принц империи «Судоверфи Гаранина», он же Джин, он же Доктор Секс.

– Ты там совсем в разнос пошла? – весело поинтересовалась Ленка.

– Ага, – согласилась Света, – сама себе удивляюсь.

– Пряшников до самого дома зудел. Облико аморале! – хохотнула подружка. – А я ему сразу заявила, что, во-первых, он не твой папаша, а во-вторых, что тебе после двух лет celibата очень даже полезно.

– Ты мне сейчас как врач рекомендуешь? – усмехнулась Света. – Поэтому и направила в клинику доктора Секса?

Пряшникова расхохоталась, а потом заметила серьезно:

– Светка, да он как-то не славился раньше похождениями. С Полиной, когда жил, налево ни-ни, а там у вас в деревне с местной якшался. То ли Надя, то ли Настя.

– А почему тогда с женой развелся? – не поняла Света.

– А он ее с другим застал. Даже разбираться не захотел, бросил все и уехал куда глаза глядят. Вот и оказался в нашем Гречишкино. Она потом мириться хотела, но Гаранин, упертый как баран, не простил.

– А эта местная? – полюбопытствовала Света от нечего делать. – С ней что?

– Поругались, – доложила Ленка и добавила смущенно: – Причины не знаю.

– Может, темпа не выдержала, сошла с дистанции? – весело предположила Света, но Пряшникова ее одернула:

– Ты там сама поаккуратней, мать, на дистанции. Не привези после финиша главный приз от Арсения Гаранина.

– Скажешь тоже, – отмахнулась Света и, отключив телефон, отправилась в зал искать шкатулку с рукоделием. К ее изумлению, половина двустороннего огромного шкафа, служащего перегородкой между залом и кухней и расписанного жухлыми красными цветами на синем фоне, оказалась забита картонными ящиками с рукоделием. Нитки для шитья, мулине, пяльцы, несколько отрезков ткани и даже швейная машинка, притаившаяся в углу, рядом с телевизором. Света порылась по коробкам и выложила на стол несколько катушек ниток и набор с иглами. Потом расстелила рядом полотенца и, отрезав ободранные края, принялась подшивать вручную, кладя один за другим ровные, почти незаметные стежки. Она так увлеклась, что не сразу почувствовала, как в доме стало прохладно, и только когда иголка выскользнула из заиндевших пальцев, поняла, что печка, натопленная еще прошлым вечером, остыла, и пора бы затопить ее снова. Отбросив рукоделие, она шагнула к белой русской печи, занимавшей почти все место в доме, закинула несколько березовых поленьев и, вспомнив, как разжигал дрова Гаранин, зажгла от спички сначала кусок старой газеты, а потом тонкую деревянную лучину.

«Справилась», – довольно хмыкнула про себя Света и снова вернулась к шитью. А через несколько минут закашлялась от запыленного воздухом кухни и зал дымом. Она подскочила к печке и аж замерла на минуту от ужаса. Из глубокого каменного чрева валил едкий дым. Света, почувствовав, как зашипало глаза, кинулась вон из кухни. Распахнула входную дверь и выскочила на мороз, на ходу надевая старый тулуп Гаранина.

Оставалось молиться, чтобы дурацкие дрова прогорели быстрее, чем вернется хозяин дома. Света уселась на завалинку и принялась ждать.

– Ты там горишь, что ли? – лениво поинтересовались у Гаранина, как только он ответил на звонок.

– Я вообще не дома, – рыкнул он и тут же спохватился, – твою мать!

Арсений взлетел на пригорок, еще не занятый лесом, и в немом изумлении уставился на свою избу, видневшуюся на той стороне озера.

– Твою мать! – взревел он и бросился к Ямахе, по пути отмахиваясь от Бабая и участкового.

Света заметила как в один миг белая пустыня, местами расчерченная темными стволами деревьев и ветками кустарников, огласилась ревом мотора, а маленькая почти незаметная точка, еще минуту назад видневшаяся на горизонте, приняла очертания самого Гаранина и его супер-трактора.

– Ты что творишь, чертова кукла! – заорал он, забегая в дом мимо гостыи.

– Я все сделала, как ты, – развела руками Света. – Почему так получилось?

– Заслонка закрыта, – рывкнул он, врываясь на кухню, сплошь застеленную белым дымом, потянулся к боку печки и двинул на себя какую-то плоскую металлическую штуковину.

И как по волшебству дым растворился в воздухе. По всей видимости, его затянуло обратно в русскую печь.

Гаранин метнулся в сени и захлопнул дверь. А потом поманил к себе обалдевшую гостью.

– Ты все сделала правильно, – медленно и слишком спокойно начал он. – Только на будущее запомни, пожалуйста, открыть заслонку. Она создает в печи тягу, поняла?

– Да, – кивнула Света, готовая провалиться под пол, лишь бы не слышать нравоучительные нотки в голосе Джина, не видеть его взгляд, каким обычно смотрят на умственно отсталых.

– Хорошо, – согласился Гаранин, снимая толстые, словно унты, высокие ботинки. – А то весь дом выхолодила и меня напугала.

– Сам виноват, – отмахнулась она, – объяснил бы заранее.

– Когда это заранее? – рыкнул он. – Я никуда не думал уезжать. Меня вызвали!

– Чип и Дейл спешат на помощь, – хмыкнула Света и поинтересовалась: – А ты дым увидел, что ли?

– Да, – кивнул Арсений, деловито ставя на печку чайник. – Я на острове был. – Он махнул в сторону озера. – Там в лесу церковь. Около нее турист замерз. Бабай – дед, живущий на другом берегу, – его обнаружил и позвонил мне.

– Живой? – с ужасом в глазах воззрилась на Гаранина Света.

– Не-а, – мотнул головой Арсений. – Я же тебе говорю, тут край суровый, легкомыслия не терпит.

– А как он там один оказался? – пробормотала она. – Один. На острове. В метель.

– Прибавь к этому модную, но абсолютно непрактичную экипировку и легкую палатку.

– Странно, – передернула плечами Света. – А как же ты увидел, что из дома дым валит, если находился в лесу?

– Тут на горе два придурка живут. – Гаранин махнул в сторону печки. – Геи. Они в окно увидели, подумали, что пожар. Мне позвонили. А я на пригорок поднялся и сразу все понял. Ну и рванул сюда.

– Геи? – удивилась Света. – Здесь на Севере?

– А чего, – хмыкнул Гаранин. – Люди здесь толерантные. Их чужая личная жизнь не беспокоит.

Он, конечно, покривил душой, прекрасно зная, что местных медом не корми, дай возможность сунуть нос в личную жизнь другого. Все на виду.

Арсений глянул в окно, услышав шум мотора.

Бабай, чтоб ему!

– Оденься, гости у нас, – велел он Свете. И тяжело поднявшись, прошел к шкафу за чашкой для гостя.

Чай на деревне – первое дело.

Бабай долго отряхивался на крыльце, а потом зашел сам, пропуская вперед черного и умного пса.

– Потушил пожар, – хмыкнул он и уставился на девчонку, явно не ожидая увидеть в хате Гаранина еще кого-нибудь.

– Дмитрий Федорович, – протянул руку Свете, успевшей надеть фланелевую рубашку Гаранина и плотные лосины, слишком эротично обтягивающие стройные ноги.

– Светлана, – улыбнулась девчонка.

– Моя жена, – рыкнул Гаранин. – Из города приехала. Никогда печку не топила, – добавил он смеясь.

Следом заулыбался Бабай. А Света, отвернувшись к стене, завозилась с заваркой, наливая в каждую чашку щедрую порцию.

«Придурок, – мысленно ругнулась она на Арсения. – Какая я тебе жена?»

Но спорить не стала, еще не хватало, чтобы он ее отвез в Зарецк и посадил на поезд. Внезапно вспомнилась давняя история, когда био-папа Иван Бессараб представил маму как свою жену. В результате того вранья к нему в дом нагрянула мамаша, отвратительная особа, ненавидевшая как несостоявшуюся невестку, так и родную внучку. Она очень пренебрежительно разговаривала с мамой, а та, ничего не ответив, вызвала Витю Пахомова и уехала, не сказав Ивану ни слова. Света мысленно зажмурилась, представляя, как сложилась бы ее жизнь, если бы лукавый не дернул за язык Ивана Григорьевича. Поженились бы они с мамой? Навряд ли... Слишком велика мамина обида на этого человека, и сколько бы он потом ни совершил подвигов, тот первый проступок – помесь слабости и предательства – до сих пор перечеркивает любые добрые дела этого человека.

Светка присела на край дивана и тут же получила от Гаранина бутерброд с маслом и сыром, а затем его крепкие руки притянули ее к себе поближе, создавая впечатление настоящей ячейки общества.

Бабай глянул на них, пряча улыбку, и снова принялся за свое.

– Не пойму я никак, Сеня, что этот жмурик на острове делал? Если в церковь хотел пробраться, так замок не сломан... Палатку он зачем-то на пригорке разбил, – потягивая чай из блюдца, заметил Бабай. – Вот чудак человек! На всех ветрах устроился!

– Без нас разберутся, Бабай, – неохотно пробурчал Гаранин. – Даже никаких версий нет, – заверил он и почувствовал, как прошибает пот. Захотелось подскочить и снова вернуться на Кобылий остров, пройти внимательно по окрестностям. Бабай прав, к церкви турист прибежал в поисках укрытия, надеясь схорониться на крыльце от снега. А вот палатка на пригорке...

«Неужели за моим домом следил? Но зачем? – мысленно изумился Арсений. – И почему его не заметили пидарасы – люди другой расы?»

– Странная история, – расстроилась Света и, высвободившись из его рук, ушла в зимовку. Проводив гостя, Гаранин вернулся на кухню и принялся мыть чашки, про себя отметив, что все полотенца аккуратно подшиты тонким убористым швом.

«Марья-искусница», – хмыкнул он и тут же замер от догадки. Человек пришел пешком на Кобылий остров или кто-то его привез в аккурат в то же самое время, когда группа Пряшникова притащилась в Гречишкино на ночлег.

«Может, все дело в Свете?» – сам у себя осведомился Гаранин и понесся в зимовку, на ходу доставая сотовый.

– Ты знаешь его? – ткнул ей в лицо старый смартфон.

– Понятия не имею, – отмахнулась она, а потом всмотрелась внимательно в фотографию человека, прислонившегося к деревянной стене старинной церкви. – Мне кажется, Джин, я его в поезде видела. Ну или точно так же одетого человека. Серая куртка «Соломон» и ботинки такие же. Мы с Ленкой его так и прозвали. Только он ночью вышел. То есть с вечера еще ехал в соседнем купе, а утром его уже не наблюдалось. Позвони Вадиму, может, он что знает.

Гаранин кивнул и хмуро уставился на гостью.

– То есть это не твой ревнивый ухажер или муж?

– Нет, – отрезала она и отвернулась к окну. Любое упоминание о Люсьене бритвой вспарывало душу. А из наскоро закрытых щелей снова полз страх.

«А если этот урод следил за мной? Кому и что он успел передать до начала метели?» – мысленно ужаснулась Света, а вслух бросила надменно:

– При нем телефон или планшет нашли? Может, звонил кому с острова или писал?

– Менты разберутся, – скривился Гаранин. – Мне важно, чтобы тебя не привлекли, куколка!

– А зачем меня своей женой назвал? – невинно поинтересовалась она. – Теперь вопросы начнутся.

– Ничего подобного, – буркнул он. – Все и так знают, что я женат.

«Врешь, как дышишь, – хотелось вставить Свете, но она сдержалась. – Пой, ласточка, пой!»

– Так вопросов меньше, – принялся оправдываться Гаранин, злясь на самого себя.

– Наоборот больше, – ехидно заметила Света. – Придет участковый, попросит паспорт...

– А у тебя там что написано?

– Да уж точно, что не твоя жена, – отрезала Света, лихорадочно соображая, какой именно паспорт стоит предъявить, когда понадобится. Гражданки ЕС? Или России? Что сейчас безопасней?

– Никто ничего не попросит, – рыкнул Гаранин. – Поэтому и сказал так. Перестань забивать себе голову ерундой и держись нашей легенды.

– Я не понимаю зачем? – оторопела она.

«Хороший вопрос, – мысленно усмехнулся Арсений. – Я сам бы хотел это узнать!»

А вслух, чтобы сменить тему, поинтересовался:

– С какой же скоростью ехал твой муж, что не вписался в поворот?

– С большой, – поджала губы она. – Он шел первым и не собирался никого пропускать.

– Стритрейсер, что ли? – уточнил Гаранин.

– Ага, – кивнула Света, вспомнив улицы Монако и ревущие болиды. – Он самый.

Она снова оказалась там и из окна комментаторской трибуны следила, как Люсьен вырывается вперед и несется навстречу к своей гибели. И в который раз задалась вопросом, если бы он сбавил скорость, удалось бы предотвратить трагедию?

Света сама удивилась, что сдержалась, не расплакалась, не закричала от бессилия и все-ленского горя. Она лишь повернулась к Гаранину и, преданно глядя в глаза, проворковала:

– Расскажи лучше о своей жене.

– Это еще зачем? – удивился Арсений, уставившись на нее, будто она сморозила редкую чушь.

– Ну должна же я соответствовать. Так сказать, вписаться в образ, – хмыкнула Света.

– Только попробуй, – рыкнул он, – придушу голыми руками.

Глава 5

Всю ночь Гаранин не сомкнул глаз. Все пыхтел, отвернувшись от Светы. Но по его напряженной спине она сразу догадалась, что ему не до сна. И на долю секунды почувствовала сожаление, что он лежит отдельно, а не обнимает ее, не шепчет в ухо дурацкое «маленькая». По большому счету Гаранин раздражал, да и секс без душевной близости сразу превращался в акробатические этюды. Но Свете хотелось тепла – спасительного и мимолетного – именно от Джина, и провалились все пропадом! Страдай сейчас от бессонницы Люсьен, она бы прижалась сзади и, вдыхая запах любимого, постаралась растормошить. А там бы уже и до любви дело дошло. Но Света не посмела навязываться почти незнакомому человеку, тем более такому сумасбродному, как Арсений Гаранин. Она, повернувшись лицом к стене, печально положила ладошку под щеку и через несколько минут очутилась в царстве Морфея. Гаранин потянулся к ней через пару минут, но, услышав ровное дыхание, будить не стал. Он осторожно выпростал свое тело из-под одеяла и, усевшись верхом на старый деревянный стул, уставился в окно. Не то чтобы он злился на себя, нет! Злостью даже трудно назвать его состояние. Ярость, бешенство – и то, пожалуй, слишком мягко.

«Ты зачем ляльку женой представил, дурик? – тоном «зачем Володька сбрил усы» осведомился сам у себя Гаранин. – Ну какая она тебе жена? Так, любовница мимо проходящая! Зато Бабай растрезвонит по всей округе. Этого еще не хватало!»

– Уже все сказано, – сквозь зубы пробормотал Арсений и, чтобы отвлечься от охватившего гнева, открыл ноутбук и принялся проверять почту.

Света проснулась в предрассветных сумерках от монотонных щелчков мыши и сонно прошествовала мимо, по пути бросив взгляд на экран. Гаранин твердой рукой чертил какие-то схемы в специальной программе.

– Что это? – изумилась Света, прекрасно понимая, что точного ответа не последует.

– Автокад, – бросил, повернувшись к ней, Гаранин. – Специальная программа.

– А-а, – протянула Света. – Никогда такой не видела.

– Хочешь, покажу? – загорелся Арсений и даже за руку ее потянул, намереваясь усадить на колени.

– Сейчас, подожди, – смущаясь пробормотала она и кинулась в нежилую часть дома, где располагался сортир.

– Оденься, там холодно! – крикнул вслед Гаранин и снова пробурчал под нос: – Лечи потом тебя.

– Как скажешь, папочка, – фыркнула Света, хлопая дверью и на ходу поплотнее запахивая халат. Потом, стуча зубами, добежала до зеленой щербатой двери в конце коридора, рванула ее на себя. И охнула, увидев два желтых глаза, внезапно загоревшихся около дальней стенки.

Света успела захлопнуть дверь и с криком «Волк! Там волк!» влетела в зимовку.

– С ума сошла? – не поверил Гаранин. – Как бы он в дом пробрался?

– Не-е-е знаю-ю-ю, – проблеяла она, кутаясь в халат. – Там кто-то сидит, желтые глаза светятся. Сам посмотри.

Гаранин неразборчиво пробурчал себе под нос какое-то ругательство и направился к злополучному сортиру, на всякий случай прихватив с собой охотничье ружье. Он взвел курок, надеясь выстрелить раньше, чем хищник кинется ему в глотку, и осторожно приоткрыл дверь. А потом рассмеялся, аккуратно ставя ружье в угол. Шагнул в сарай и громко позвал «Кис-кис», и тотчас же из дальнего угла, где сплошным рядом стояли Гаранинские резиновые сапоги, метнулась черная тень, словно кегли раскидывая старую обувь.

– Кот? – улыбнулась Света, заходя следом. – Кот! – расхохоталась она. – Самый обычный?! Только как он сюда попал?

– Пролез в дырку в стене, – хмыкнул Арсений.

– Но тут же лес кругом, – не поняла Света. – Откуда он взялся?

– Из Курыгино пришел, – махнул рукой в сторону сортира Гаранин. – Он иногда ко мне подхарчиться приходит. У его хозяйки Надежды не забалуешь. Вот он с голодухи и прибегает.

– А-а-а, – протянула Света, вспоминая Ленкины сплетни. – Кот – поломник, – фыркнула она и погладила ластившееся к Арсению животное по черной шерстке. Кот глянул на нее негодующе и закрутил хвостом в разные стороны.

– Не нравишься ты ему, – пробурчал Гаранин и торжественно понес кота на кухню. – Пойдем, Жиробас, – поглаживая кота по худой спине, пробубнил хозяин дома. – Я тебе вискас купил. А «Пурина» закончилась в прошлый раз, помнишь? – Арсений всем корпусом повернулся к Свете и представил ее коту. – А это моя жена, ты ее не бойся. Веником, как Надька, лупить не будет.

Кот, будто понимая, о чем речь, удивленно уставился на Свету огромными желтыми глазами.

– Тебе эта роль не подходит, – фыркнула она, уперев руки в боки.

– Какая? – хмыкнул Гаранин. – Защитника животных?

– Моего мужа, – отрезала она и, пройдя на кухню, загремела кастрюльками.

Арсений, насыпав корма коту, полез в морозилку за пельменями.

– А другой еды нет? – поморщилась Света.

– Мы с вами, мадам, обсуждать меню не договаривались, – едко хмыкнул Гаранин. – Я готовлю, ты ешь. Не хочешь, готовь сама.

– Не хочу, – пробурчала Света, осматривая из-за его спины полупустой холодильник. И Арсений даже не понял, что именно она не хочет: есть пельмени, готовить, или все сразу. Он, откинув в сторону упаковку, высыпал в кипящую воду замороженные дольки. Гостья тотчас же подхватила смятый целлофан и нахмурилась.

«Сейчас начнет мозг взрывать, что в мусор не выкинул», – скривился Гаранин мысленно. Но Света улыбалась, читая что-то на коробке, а потом удивленно бросила:

– Ого, из какой дали вам пельмени везут? Поближе не нашлось?

– Местные тоже в Крушинино продаются, – заверил хозяин. – Но эти самые вкусные. Только у Михеича в магазине бывают. Я сразу упаковок десять покупаю. Как домашние.

– Да, – согласилась Света. – «Городской пельменный комбинат номер один», – прочла она название изготовителя и добавила с азартом: – Я ела их продукцию. Самые вкусные – «Райские».

– Никогда не попадались. Но раз ты говоришь, – Арсений подошел поближе, провел ладонью по спине, потом чуть ниже. – Надо Михеичу сказать, пусть закажет.

– Может, сюда нет поставок, – пожала плечами она.

– Ерунда, – отмахнулся Гаранин. – У него там блат на комбинате. Директор – боевой командир.

– Повезло, – пробормотала Света.

– Ага, он на каждом углу хвастается, – радостно хмыкнул Гаранин, решив, что она имеет в виду неведомого Михеича, а не себя.

«Фантастическое везение, – мысленно поморщилась Света. – Однополчанин Бессараба. Здесь! В соседней деревне! – Но тут же мысленно одернула саму себя: – Не паникуй, этот Михеич тебя в глаза не видел. А уж Иван Григорьевич, когда-то поделившийся биоматериалом с маман и отчавивший в даль светлую, уж точно не догадается».

И под смех Гаранина принялась есть огненные пельмени.

– Может, покатаемся после завтрака? Я тебе округу покажу, – невзначай предложил он. И Света радостно кивнула в ответ.

– С удовольствием! – А потом, спохватившись, поинтересовалась: – Джин, а как же кот?

– А что ему сделается? – хмыкнул Арсений. – Сейчас доест и на боковую.

– Здесь? – снова удивилась она.

– Ну да, – кивнул он. – Он любит по хаткам ходить. – И взяв на колени исхудавшего зверя, потрепал по холке. – Правда, Жиробасина?

– А хозяева его не ищут? – изумилась Света.

– Не-а, – неопределенно хмыкнул Гаранин и на миг задумался:

«Если сам, без Олеськи пришел, значит, в окно выпрыгнул. Наверное, Надежда дома. Но все равно нужно заехать проверить!»

А вслух заметил:

– На обратном пути заскочим по месту прописки Жиробаса.

И скинув вольготно расположившегося на диванчике около печи кота долгим сосредоточенным взглядом, отправился в сарай. Света, вытирая посуду, прислушивалась к доносившемуся грохоту, а затем появился сам хозяин и кинул на пол около мойки странные приспособления. То ли лапти, то ли короткие самодельные лыжи.

– Что это? – удивилась Света, разглядывая согнутые толстые ветки, обмотанные и перевитые крепким шнуром.

– Это снегоступы, маленькая, – хмыкнул Гаранин. – Местные делают, чтобы под снег не проваливаться. Трудно брести по пояс в снегу. Испокон веков в этих краях носят.

– Я такое не надену! – заявила Света и даже руки вперед выставила. – Ерунда какая-то! Только ноги переломать. Сам носи.

– А как же ты собиралась гулять, кукленок? – снисходительно поинтересовался он и устоял не моргая. Света еле сдержалась, чтобы не стукнуть его полотенцем.

– Я думала, что мы на твоём тракторе поедem, – ехидно бросила она. – А птичьи клетки на ногах сам носи.

– У меня есть другие снегоступы, американские. Но они на большой размер ноги, – задумчиво почесал затылок Гаранин. – И на вездеходе поедem. Только возьмем с собой снегоступы и волокушу.

– Что? – расхохоталась Света.

– Одевайся, время пошло, – скомандовал Арсений. – Ровно через пятнадцать минут выезжаем.

Света быстро нацепила комбинезон поверх толстого длинного свитера и плотных лосин, заменивших ей в походе термобелье. И надев цветастую лыжную шапку, вышла во двор, где Гаранин привязывал к вездеходу какой-то синий таз.

– Решил простирнуть дорогой, – съязвила она, кивая на корыто.

– Это волокуша, маленькая! Вот вы, как придурки, с рюкзаками шли, а некоторые используют это гениальное изобретение – сложили вещички и поехали. Поход зимой отличается от любого другого. Вещей, может, и столько же, а вот по объему и весу значительно больше. А с волокушей идешь налегке, как саночки за собой тянешь.

– А нам зачем? Мы же просто погулять едем? Или это была рекламная пауза?

Гаранин расхохотался, липким взглядом окидывая худенькую фигурку, запечатанную в розовый комбез Ленки Пряшниковой.

– Так дело не пойдет, – пробурчал Арсений себе под нос и, быстро вбежав в дом, выскочил оттуда со стеганым пуховым жилетом. – Надень сверху, – скомандовал он. – Теплее будет! – И мысленно продолжил: – «И задницу прикроет, чтобы никто не пялился!»

Мотор взревел, оглашая рыком окрестности, и Света только успела ухватиться за Арсения, прижалась щекой к его широкой спине, как сумасшедший Гаранин дал по газам и веломото-трактор весело помчался сначала вдоль озера, а потом свернул в сторону леса, резво поднимаясь на пригорок.

От яркого солнца и белого нетронутого снега разболелись глаза, и Света, обнимая за пояс Гаранина, плотнее прижималась к нему, изредка поглядывая на широкую дорогу и мелькающие мимо черные стволы деревьев.

Внезапно вспомнилась крутая дорога на Сицилии. Они с Люсьеном неслись в открытом Мерседесе на знаменитый пляж в Сан-Вито-ла-Капо. Вот так же слепило солнце. С высокого берега виднелось бирюзовое море с белыми пляжами и яхтами, разрезающими мачтами синее небо без единого облачка. Она словно заново увидела, как на встречу вылетела красная спортивная машина и, еле-еле вписываясь в поворот, на полупустой дороге насмерть сбила пешехода.

«Может, тогда это был знак? – сама у себя осведомилась Света. – А мы не поняли его!»

Машина-нарушитель чуть затормозила и попыталась скрыться с места преступления.

– Держись! – рявкнул Люсьен, а потом кинул жене телефон. – Звони в полицию! Эти черти далеко не уйдут!

Она вздрогнула, будто снова оказалась на горной дороге, где ее муж яростно преследовал красный феррари. Там видимо сидел тоже опытный водитель, но квалификацией гораздо ниже, чем у Люсьена де Гралье. И когда черный нос мерса коснулся красного феррари, прижимая машину к обочине, злоумышленнику ничего не оставалось делать, как сдаться подъехавшей полиции.

– Мы с женой можем дать показания, – тут же заявил Люсьен. А полицейские, растянув губы в улыбке, попросили автограф. Кто на старом журнале, а кто на картонном стакане из-под спрайта.

– Ты что притихла, маленькая? – прокричал, повернувшись, Гаранин, невольно вызволяя Свету из тягостных дум. – Страшно? – Он, чуть заглушив двигатель, посмотрел внимательно.

– Солнце слепит и ветер холодный, – отмахнулась она.

– Сейчас к храму подъедем, остановимся, – заверил он и снова прибавил газу. Вездеход взлетел на холм и замер около древней церкви. Потемневшее от времени дерево придавало изящности старинному храму, притаившемуся среди леса.

– Тут раньше богатая деревня была, – словно прочел ее мысли Гаранин. – Из нашего Гречишкина сюда на все праздники ходили. Здесь домов тридцать стояло.

– Где же они? – изумленно поинтересовалась Света, не слезая сvezдехода.

– Так дома бревенчатые. Как моя изба! Раскатали по бревнышку и по озеру сплавили. Вон в Крушинино поставили! Еще давно, при Советской власти. Какой-то олух посчитал, что здесь держать село не рентабельно. Вот всех и переселили по области.

– А ты откуда знаешь? – удивилась Света.

– Так моя семья из Гречишкина и дом семейный. Его еще прадед строил. Мои-то дед с бабкой в молодые годы в город подались, а родня здесь осталась. Я четыре года назад у двоюродной бабки дом со всем скарбом выкупил, а до этого ребенком с дедом приезжал.

– А-а-а, – протянула она и добавила печально: – Жаль, в храм не войдешь.

– Это еще почему? – хмыкнул Гаранин и, аккуратно подъехав, затормозил около самого крыльца. – Пойдем, – велел он, сграбастав Свету в охапку. – Сейчас я дверь открою, а ты вокруг осмотришься, – подмигнул он, доставая из-под свитера ключ, болтавшийся на веревочке.

– Как в первом классе, – рассмеялась Света.

– Ага, – пробурчал соглашаясь Гаранин, – чтоб цыгане не покрали!

Открыв немудреный замок, распахнул крепкую деревянную дверь и пригласил:

– Входи, маленькая!

Света сделала шаг внутрь и обомлела. Небольшой зал поражал пустотой. Ни подсвечников посредине, ни икон на стенах. Лишь первый и второй ряд алтаря занимали старые доски с потертыми ликами, да еще пара икон примостилась чуть повыше. Но те показались Свете новодами.

– Посмотри, – слегка толкнул ее локтем Гаранин, указывая на потолок. А там вместо привычного уходящего ввысь купола весь свод украшали разрисованные святыми и угодниками доски, уложенные одна к другой в виде усеченной пирамиды.

– Небеса, – объяснил Арсений.

– Что? – не поняла Света.

– Такие вот потолки называются «небеса». Только тут на Севере храмы украшались в такой манере. Даже имена художников иногда можно встретить.

– Очень красиво, – согласилась Света и, задрав голову, принялась рассматривать каждый сегмент. Всего разрисованных парусов она насчитала шесть. В каждом располагался апостол, а в центральном медальоне – Иисус-Вседержитель. Бледный синий фон выцветшей краски, потускневшие фигуры. Некоторые даже разглядеть трудно.

– Их бы отреставрировать, – печально пробормотала Света, инстинктивно кутаясь в Гаранинский жилет.

– Так летом приедут реставраторы из Питера, – пробурчал Арсений, обводя взглядом два небольших окошка с каждой стороны от алтаря, затем скосил глаза на входную дверь, оставленную открытой, и, притянув Свету к себе, впился в ее губы поцелуем.

Ни он, ни она не заметили, как в дверной проем заглянул человек и быстро отскочил в сторону, пробежал не разбирая дороги по лесу и, оказавшись рядом с напарником, тяжело перевел дух.

– Он там не один, – просипел чуть слышно. – С девкой целуется.

– С какой? – напрягся напарник.

– Не наша, точно! Видать, из города позвал. Приезжая.

– Грохнуть бы его...

– Не сейчас. Кабы один был. А за свою бабу он до конца биться станет. Я лично не сунусь и тебе не советую.

– Что так? – осклабился другой.

– Ты когда-нибудь на медведя ходил? – сплевывая, поинтересовался первый. – А на медведицу с медвежатами? Разницу чувствуешь или мне объяснить?

Глава 6

– А таз зачем с собой взял? – насмешливо осведомилась Света, показывая на привязанную к мотовездеходу волокушу.

– Сейчас увидишь, кукленок, – хмыкнул Гаранин, хлопая себя по ляжкам. – Я-то думал, сама догадаешься, – пробормотал он и припал к ее губам, как к живительному источнику. Поцелуй вышел долгим и нежным, и Света еле перевела дух, когда Арсений, проведя ладонью по ее шее, прошептал чуть слышно:

– Классно целуешься, маленькая! Где научилась?

– Какая разница? – улыбнулась она. – Ты все равно по конкурсу не пройдешь!

– Такие высокие требования? – не унимался Гаранин, все еще не выпуская ее из объятий. – А я спешу на экзамене!

– Не получится, – расхохоталась Света.

– А рекомендации там принимают? – снова поинтересовался Арсений.

– Ну не знаю, – деланно проворковала она.

– Ты мне напишешь?

– Обязательно, – кивнула она, на краткий миг из озорной девчонки превращаясь в надменную даму. – Но ты должен постараться, – нравоучительно заметила Света и, потянув Гаранина на себя, заглянула ему в глаза и добавила, хитро улыбаясь: – Мальчик.

От этого «мальчик» в душе Арсения все перевернулось от злости. Хотелось придушить ехидную девчонку. Но Гаранин сдержался. Он стиснул челюсти до зубовного скрежета и, усевшись за руль, рыкнул:

– Держись крепко! – а потом ударил по газам.

Супер-трактор вылетел на дорогу, но свернул не на знакомую развилку, а чуть раньше. С высокого пригорка открылась впечатляющая панорама. Чернеющие крыши соседней деревни, белая ледяная гладь озера, укутанные в снежную вуаль деревья. А вдалеке на соседнем острове виднелся силуэт еще одной церкви.

– Как красиво, – пробормотала Света, а потом закричала во весь голос: – Кра-а-с-о-о-т-а!

– Не кричи, – рассмеялся Гаранин, – медведей перебудишь.

– Правда? – изумилась она, все еще памятуя об истории с волками.

– Кривда, – довольно хмыкнул Арсений, заглушив двигатель на пригорке, и повернувшись к Свете, слегка ущипнул ее за нос. Этот простой и игривый жест отозвался у нее в душе смешанной гаммой чувств, но разбираться в них сейчас бы точно не получилось.

– Слезай, – велел Гаранин, отвязывая волокушу, а потом снова вскочил за руль и понесся вниз.

– Ты куда? – ничего не понимая, закричала Света, но Арсений махнул рукой и уже скатился с холма, а затем поднялся вверх, укатывая небольшую колею.

– Поедем, красotka, кататься! – пропел он дурниной, закончив непонятное занятие. И усадив Свету в странный пластмассовый таз, потащил к образовавшейся горке. Затем уселся сам и, оттолкнувшись пятками, придал ускорение волокуше. Пригорок, показавшийся Свете сначала небольшим, превратился в настоящую снежную горку. Длинной и абсолютно прямой.

– А-а-а! – кричала Светлана.

– Й-о-х-у-у-у! – вторил вслед Гаранин и, скатившись, потащил волокушу вверх вместе с гостьей.

«Вот тебе хам и циник, – подумала Света. – А катается с горки как ребенок!»

Потом ее мысли перешли на катание на санках в Москве.

«Когда это было? В каком году? – поинтересовалась она у самой себя. – Наверное, когда я училась в первом классе...» Света вспомнила, как вместе с родителями ездила в Измайлов-

ский парк, и там папа катал их вместе с мамой на санках. Мама обнимала ее и что-то кричала папе, а тот смеясь объяснял, что он – супер-пони и катает по собственной программе. Света всхлипнула и, пытаясь отвлечься от трогательных воспоминаний, загребла ладошкой снег, слепила снежок и бросила в Гаранина. Самолепный снаряд пролетел мимо уха Арсения и упал в стороне.

– Ах так, – зарычал Гаранин, – ну погоди, мартышка!

Он крутанул волокушу, которую уже поднял на самый верх горки. Хлипкая конструкция завертелась на месте, а потом перевернулась в сугроб, увлекая за собой пассажирку. Очувтившись внутри снежного мешка, Света сначала испугалась, а потом, когда рядом плюхнулся Гаранин, расхохоталась. Он снова полез целоваться, а потом подскочил, как по команде, и за руку выволок ее из сугроба.

– Простынешь, – бросил сердито и, привязав волокушу к супер-трактору, махнул рукой в сторону. – Заедем в Курыгино к хозяйке Жиробаса и домой!

– Сейчас бы чайку, – мечтательно пробормотала Света и поинтересовалась игриво: – А у тебя есть термос, Джин? Можно было б с собой взять. Сейчас бы хлебнули!

– У Надьки попьешь, – фыркнул Арсений и вскочил в седло своего чудо-бульдозера. Он завел двигатель и велел:

– Ну давай же, садись быстрее!

Света поймала себя на мысли, что хотелось еще подурачиться с Гараниным, поиграть в снежки и просто побеситься в снегу. Все равно никто не видит! И тут же осознала, что не хочет ни с кем делить доктора Секса. Лучше бы вернуться домой, пообедать и завалиться в постель, чем сидеть за одним столом с чужими людьми, прихлебывать плохо заваренный чай и слушать дурацкие разговоры.

Она мысленно одернула себя, да еще попеняла, что заранее настроена на плохое. Но как в воду смотрела. В просторной деревянной избе, куда Гаранин втянул ее за руку, хозяйка хлопотала, накрывая стол, а девочка лет шести сосредоточенно расставляла чашки и тарелки. Хозяйка, маленькая растрепанная женщина, кивнула Арсению:

– Давно не виделись!

А затем, обтерев о фартук ладони, подошла к Свете.

– Надежда, – улыбнулась она и, сердечно обняв гостью, повернулась к Гаранину.

– Ну хоть теперь не будешь бобылем жить, – заметила хозяйка.

– Буду, не буду, не твоя забота, – отмахнулся Арсений и, не отпуская от себя Свету, направился к столу. Она заметила, что здесь, «на квартире Жиробаса», Гаранин чувствует себя вольготно. Сел за стол без приглашения, потянулся за нарезанной толстыми ломтями колбасой, потом выудил шпротину из банки. Как у себя дома!

Надежда показалась Свете глубокой старухой, но на вопрос об отчестве пробурчала добродушно:

– Зови меня Надей, я тебя лет на десять старше! – И тут же показала на девочку, что-то объяснявшую Арсению. – А это Олеська! Моя племянница.

– А вы кто? – бесхитростно поинтересовалась девочка, с любопытством разглядывая Свету.

– Моя жена, – коротко и емко объяснил Гаранин и, потянув ее за руку, велел: – Садись рядом.

Долго разливали чай, потом чаевничали, а когда в избу ввалились еще двое мужчин, Надежда шикнула на Олеську, и та, выбежав из-за стола, пересела на топчанчик у другой стены, завозила с игрушками. Света, почувствовав на себе липкий взгляд одного из парней, последовала за ребенком.

– Есть крючок и нитки? – осведомилась она и, когда девочка притащила моток серой пряжи и длинный тупой крючок, начала вязать.

– Что это? – любопытствовала Олеся, с интересом наблюдая, как быстро снует крючок в руках гостьи.

– Платье для твоей куклы, – улыбнулась Света. – Или шубка. В чем она на улицу пойдет? Гаранин, обернувшись, бросил тревожный взгляд, будто ища свою ляльку. И с удивлением обнаружил, как Олеська, обычно пугливая и настороженная, примостилась рядом со Светой и завороченно накручивает на палец кончик ее косы.

«Я бы и сам рад зарыться ей в волосы», – хмыкнул про себя Гаранин, искренне желая оказаться сейчас дома, а не слушать дурацкие разговоры Генки и Петьки и их домыслы о замерзшем туристе.

Арсений быстро поднялся и пристально глянул на Свету.

– Пора!

– Ну не уходи, пожалуйста, – позвала Олеська, когда Света засобиравалась вслед за Гараниным.

– Джин, – тихо позвала его Света в сенях. – Давай завтра девочку возьмем на горку кататься. Скучно ей тут одной.

– А что? – загорелся идеей Арсений и обратился к хозяйке: – Мы завтра часов в двенадцать приедем. Возьмем Олеську на прогулку.

– Так ведь это... – замялась Надежда. – У нее сапог нету.

– Я же покупал осенью, – ощерился Гаранин и уставился неподвижным взглядом, как анаконда. – Пропила? – догадался он.

– Да на хлеб денег не хватало! – заголосила хозяйка. – Маринка как померла, так еле-еле концы с концами свожу. Уже на следующий год ее вон в интернат сбегрю.

– Когда на хлеб, – рыкнул Арсений, – ты ко мне обращаешься, а на водку я не даю, поэтому не лепи мне тут горбатого. Не тебе с твоим куцом умишком меня дурить!

Он остановился в дверях и, глянув еще раз на бледную и худенькую Олеську, потер затылок.

– Купим новые сапоги, – заверил он девочку, во все глаза смотревшую на него, а потом перевел взгляд на ее тетку. – Попробуй пропей! – пригрозил он Надежде. Но она, ни капли не испугавшись, лишь хмыкнула в ответ, словно говоря: «А что ты мне сделаешь?»

Света чувствовала, как от этой ужасной сцены ее замутило, хотелось выскочить на свежий воздух и дышать. Дышать. Но она подошла вплотную к Гаранину и тихо поинтересовалась:

– Магазин далеко? Сегодня успеем купить?

– В Крушинино. Двадцать минут на вездеходе, – кивнул Арсений.

Но уже в магазине, куда они примчались перед самым закрытием, засомневался:

– Надька все равно их пропьет, вот же стерва!

– Ничего подобного, – строго заметила Света. – Я ей не позволю.

Гаранин рассчитался за маленькие детские сапожки и побрел к выходу. А Света, поймав на себе хитрый взгляд продавщицы, задержалась на пару минут.

– Ты что-то забыла? – последовал вопрос от самой двери. Света подскочила к нему и зашептала на ухо:

– Дай мне в долг тысячу, Джин. Дома отдам.

Гаранин мог поклясться, что эти две незатейливые фразы покоробили его и одновременно развеселили.

«Значит, лялька уже считает твою избу домом, – поддел он сам себя, наблюдая, как, размахивая купюрой, его «жена» спешит обратно к прилавку. – Поздравляю, Арсений Юрьевич! От всей души поздравляю!»

Он вышел на крыльцо небольшого магазинчика, поняв, что покупает Света. Она вышла с большим кульком и снова повторила:

– Спасибо, выручил! Я хоть себе трусов купила. Даже забыла, когда носила хлопчатобумажные, все больше кружевные стринги.

– А мне такие больше нравятся, – хмыкнул Гаранин, прижимая ляльку к себе. – Передо мной только в таких крутись, а?

– Мы тогда никогда из койки не выберемся, – хохотнула она. А потом посмотрела внимательным взглядом и осведомилась тихо, но предельно серьезно: – Ты с этой Надеждой ходил? Олеська – твоя дочка?

– С ума сошла? – прошипел он, увлекая ее за угол магазина. – Ты думаешь, я бы позволил своему ребенку жить с пьющей теткой и не забрал ее к себе? – Гаранин от ярости навалился сверху, прижимая строптивую ляльку к бревенчатой стене. – И я не интересуюсь испытанными бабами. А вот с ее сестрой у меня случилась небольшая история. Только Маринка полтора года назад утонула, но тебя это не касается.

– Меня это не касалось вчера, – фыркнула Света, упираясь локтем ему в грудь и пытаясь спихнуть с себя. – Если ты меня познакомишь с людьми и представляешь за каким-то бесом женой, то мне нужно знать хотя бы подоплеку, чтобы не попасть впросак.

– А-а-а, – протянул Гаранин, даже не делая попыток отстраниться. – Я-то думал, ревнуешь! Уже обрадовался...

– Не надейся... мальчик, – бросила она и добавила, нахмурившись: – Нужно ехать, скоро стемнеет.

– Ну да, – словно в чад, пробормотал он и, взяв ее за руку, как маленькую, повел к вездеходу, припаркованному около почты.

А там, засунув в маленький багажник покупки, молча помог Свете усесться и, пробурчав «крепче держись», понесся через озеро с немыслимой скоростью и только дома поинтересовался:

– Как ты собираешься контролировать Олеськины сапоги? Ну чтобы Надежда не пропала.

– Очень просто, – пробормотала Светлана. – Нам придется привозить их с собой каждый раз, а потом забирать обратно.

– Да как-то неудобно подарить, а потом забирать, – с сомнением заметил Гаранин.

– А кто говорит о подарке? – хмыкнула Света. – Это твои сапоги, ты просто на время даешь их поносить Олесе.

– Умно, – кивнул Гаранин и добавил бурча: – Ты мне ничего не должна за свои покупки. Пока живешь в моем доме, я тебя обеспечиваю.

– У нас контракт? – уточнила она с ехидной улыбкой.

– Вот именно, – заверил он и выскочил из дома. Завозился, закатывая вездеход в сарай, потом побежал за дровами. И вернувшись в избу, загрохотал на кухне тарелками.

«Как слон в посудной лавке», – хмыкнула про себя Света и, очутившись в зимовке, сразу позвонила матери.

– Я соскучилась по Эжену, – выдохнула она, как только Лиля ответила.

– У нас сегодня матч по футболу Россия-Франция, – смеясь заметила мать.

– Твои и мои быют наших? – шутя полюбопытствовала Света и добавила серьезно: – Хочу к вам. Очень!

– Так приезжай, – с ходу заметила мать, но тут же поправила саму себя: – Арман велит не торопиться.

Света услышала знакомый властный голос. Сначала вдалеке, а потом уже и в трубке.

– Ты в порядке, Лана? – строго пророкотал отчим, а потом без всякого перехода тяжело вздохнул – Пока мы не поймем, откуда исходит угроза, тебе лучше не приезжать. За Эжена можешь не переживать, он вместе со своими дядюшками и теткой посещает занятия и спортивный зал. Мы с Лили не спускаем с него глаз.

– Спасибо, – пробормотала Света и уже хотела попрощаться, как в эту минуту Арман закричал:

– Было касание! Было! Назначаю пенальти! – и передал трубку жене.

– Кто с кем играет? – весело поинтересовалась Света, слыша вдалеке вопли отчима.

– За Францию – Эжен, маленький Арман и Хлоя, а за Россию – Миша, Таечка и Пахомов. Судит Арман. Стефания и Витькины дочки изображают из себя фанатов и машут перед моим носом флажками.

– Весело у вас, – хмыкнула Света, а нажав «отбой», подумала: «Дурдом какой-то!»

Она прекрасно представляла, как на небольшом футбольном поле толкаются мальчишки и рыженькая Тайка, как несется к воротам Хлоя, жена Вити Пахомова и сестра Армана, как сам крестный героически стоит на воротах, а Мишель, младший брат Светы и родной сын Иштвана Цагерта, пытается забить мяч в ворота соперника.

Света воочию увидела каждую деталь семейного вечера и чуть не закричала от отчаяния. Захотелось по мановению волшебной палочки перенестись в Бордо и обнять Эжена – своего маленького Гарри Поттера. Уткнуться носом в русые вихры и услышать протяжное:

«Мам, ну мам,пусти! Я же не девчонка!»

Она вспомнила, что при жизни Люсьена сын неизменно добавлял:

– Родите себе дочку и с ней сюсюкайте!

Света представила своего маленького сына: крепкого и гибкого, в каждом движении которого чувствовалась зарождающаяся сила.

«Женечка, солнышко, – чуть слышно позвала она своего ребенка, прекрасно зная, что ее никто не услышит, и, всхлипнув, тихонечко велела сама себе: – Успокойся. Если уж Арман чего-то опасается, то дело плохо. Хотя почему Пахомов играет в футбол, а не отправился в Россию, как обещал?»

Она наскоро переделалась и вышла на кухню.

– Скоро туристы придут с ночевкой, – предупредил Гаранин. – Ты с нами посидишь?

Света мотнула головой.

– Нет, – капризно протянула она. – Я спать, день получился долгим.

Она уже засыпала, когда почувствовала, как Арсений огладил ее по голове и тихо позвал:

– Пойдем за стол, маленькая! Там ребята из Краснодара приехали, поют под гитару.

Потом пожалеешь, если пропустишь.

– Хорошо, – пробормотала она. – Ты иди к людям, я сейчас выйду.

Света встрепенулась и, не заставив себя просить, быстро собралась: закрутила волосы в высокую дульку, надела длинную зеленую майку, купленную пару часов назад в сельпо, и лосины. Плеснула на лицо воды из стоявшего в углу ведра и такой красавицей а-ля натурель вошла на кухню.

А там десять пар глаз с восхищением уставились на нее.

– Моя жена, – тут же встрял Гаранин, давая понять, что близко не подходить. Шарах-нет. Он сам лично и вдарит, коли кто посмеет покуситься. Желających заработать фингал не нашлось.

Арсений усадил «жену» на свое место на краю дивана, а сам примостился на подлокотнике.

– Есть хочешь? – поинтересовался тихо, невзначай укладывая руку на ее плечо.

Она кивнула и тотчас же руки Гаранина залетали над столом, собирая на тарелку всего понемногу: ломтики розового копченого мяса, оливки, тунца из банки и даже несколько кругляшков соленого огурца.

– А пить? – Джин снова соорудил из себя заботливого мужа. – Водка, пепси, самогонка?

– Только чай, – пробормотала Света, замечая, как за их диалогом следят гости. Девять человек с любопытством, а одна девушка с нескрываемой злобой.

«Красивая и смелая дорогу перешла, – пропела у Светы в голове Анна Герман. И она в упор глянула на противную гостью. – Может, поэтому Гаранин и позвал меня к столу? Чтобы ничего не объяснять девице? Сколько же их прошло через его постель? – мысленно осведомилась она, пытаясь представить порядок цифр. – За сезон? А за все четыре года?»

На душе сразу же стало противно, будто она вступила в зловонную жижу.

«Плевать! – про себя отмахнулась Света. – Мне его бабы до фонаря. Но пока я здесь, никаких интрижек на стороне не допущу. Попал ты, милый!» – хмыкнула она мысленно и, облокотившись на Гаранина, отхлебнула чай из кружки.

Один из туристов, Света решила, что именно он руководитель группы, крупный бородастый мужик в синем свитере с растянутой горловиной, потянулся за гитарой и, ударив по струнам, хрипло запел:

– Здесь вам не равнины,
Здесь климат иной.

Группа подпевала вразнобой. А следом затянул и сам Гаранин. Света даже не ожидала, что у него красивый глубокий голос. Сюрприз-сюрприз!

– Джин, теперь ты, – бородач передал Арсению инструмент. Гаранин провел по струнам, выдавая дежурные аккорды, а потом, словно звезда, бросил с усмешкой:

– Ну что вам спеть?

– Ланфрен, ланфра! – тут же завопили девушки. Хозяин дома довольно кивнул и, не сводя глаз со своей «жены», запел. Красивая песня, нежный баритон. Но Света вдруг оказалась не в огромной комнате с русской печью и шумным застольем, а на просторной московской кухне с итальянской мебелью и такой же плиткой. Она точно не помнила, какой был повод, но за столом сидела только ее семья и крестный. И папа пел именно эту песню, смотря на маму влюбленными глазами.

Усилием воли Света сглотнула вязкий ком в горле и запретила себе плакать. Что толку?

Она сквозь слезы улыбалась, подыгрывая паясничавшему Гаранину, а потом, когда песня кончилась, сама попросила гитару. Ее репертуар русских песен был невелик, поэтому она затянула «Любовь – волшебная страна».

Низкий и глубокий голос ляльки пронял Гаранина до печенок. Он застыл на месте, до конца не веря, что это его легкомысленная подружка приковала к себе внимание гостей. И они воззрились на нее, обалдев от восторга.

– Еще, еще! – закричали наперебой две девчонки, а третья, Галина, скривила губы в едкой улыбке. Гаранин знал ее по прошлому походу, случившемуся полтора года назад. Нервная манерная деваха сама притащилась к нему в постель и осталась до утра. Арсений, поругавшийся с Мариной из-за какой-то ерунды, ничуть не возражал, надеясь выпроводить настырную гостью вместе с группой. Но проспал, а когда проснулся, на постели сидела Марина и не сводила заплаканных глаз со своего любовника.

– Подожди, – взмолился он, понимая, что влип по-крупному. – Подожди!

Но Маринка, отвесив ему тяжелую пощечину, стащила сонную Галку прямо на пол и принялась бить. Гаранин успел лишь завернуться в простыню и оттолкнуть разъярившуюся любовницу в сторону. Марина, смерив его тяжелым взглядом, выскочила из дома. Но пока Арсений натягивал штаны, пока искал под кроватью кеды, она скрылась из виду.

– Уводи своих, – велел он Вальку, знакомому командиру туристов, и бросился следом за любовницей. Гаранин догнал ее почти у самого Курыгино, но помириться не получилось. Да и кто бы простил сразу после увиденного? Марина оттолкнула его, когда Арсений попробовал лишь приобнять ее, и на всех парах унеслась в избу. Больше ее живой Гаранин не видел. На следующий день недалеко от Крушинина перевернулась лодка с рыбаками. И хоть деревенские

сразу кинулись на помощь, но спасти ни Марину, ни ее отца не удалось. Арсений забыл о существовании Галины, а вот поди ж ты, снова притащилась с другой группой. Он почувствовал, как накатывает злость на бесцеремонную девицу.

«Нужно держать ухо востро», – мысленно предупредил себя Гаранин, но дальше подумать не успел. Света снова прошла тонкими пальчиками по струнам и запела хрипло и с надрывом, подражая бессмертному Воробышку.

Когда песня закончилась, грянул шквал аплодисментов, и Арсений, облапив Светку, впился в ее губы поцелуем.

– Душевно поете, – пробасил кто-то из парней, когда она, отдышавшись от натиска Гаранина, передала гитару обратно бородачу. Но пока тот раздумывал, что бы еще сыграть, Галина, криво усмехнувшись, заметила:

– Хорошая песня, но вот произношение ужасное. Не все слова понятны.

– Плохой словарный запас, – передернула плечами Света, окатив Галку волной надменности.

«И как ей это удастся? – усмехнулся про себя Гаранин. – С Олеськой и Надеждой – сама простота, а сейчас – точно герцогиня! Интересно, когда именно она притворяется?»

Словно прочитав его мысли, Света улыбнулась Арсению самой развратной улыбочкой и громко проворковала, выбивая почву из-под ног у противной Галки и снося крышу Гаранину:

– Пойдем спать, любимый!

Глава 7

Утром ночевавших туристов вышел провожать один Арсений. Стараясь не смотреть в сторону Галины, он прошел к парням, стоявшим за калиткой, и с усмешкой бросил:

– Как к вам эта цаца прибилась? В прошлый раз она с группой из Мурманска приходила.

– Нет покоя от поклонниц, Джин? – хохотнул Валера Самойлов и серьезно добавил: – У твоей жены талант, Сеня. И голос хорошо поставлен. Хотя кто бы им в этой глуши занимался? Наверное, дар от бога. Возьми визитку, – Валерка сунул руку в карман и из потрепанного кошелька вытащил визитку. – Ничего обещать не могу, но пусть Света пришлет диск с записью. Думаю, шеф заинтересуется.

– Передам, – кратко заверил Гаранин и глянул на окна. Светка маячила там, прижимая трубку к уху.

«Стоит выйти, как она тут же кому-то звонит, – хмыкнул он, но сам себе напомнил, что его жизнь ляльки мало касается. – Пока здесь – моя жена, уедет – другая найдется! А если по чесноку, – подумал Арсений, машина на прощание уходившим ребятам, – то у нас с ней контракт, значит, все правильно, жена! Да и местным ничего объяснять не придется. Итак все понятно: руками не трогать!»

Захватив пешню – острый лом с деревянной ручкой, он спустился к озеру и принялся долбить затянувшуюся от мороза лунку.

«Холодает, – отметил про себя Арсений. – Еще неделя зимней сказки, а потом из дома и носа не высунешь. Нужно провиантом запастись, а то на сильном морозе вездеход не заведется».

И прямо около проруби позвонил Михеичу.

– Я завтра приеду, – поздоровавшись, заявил он и принялся с ходу диктовать список продуктов. – Если аванс нужен, сейчас на карточку кину. Да-а, – Гаранин потер голову через шапку. – Тут ко мне жена приехала, ну ты знаешь, – и получив утвердительный ответ, продолжил: – Она уверяет, что у твоего дружбана завод выпускает очень вкусные пельмени. «Райские» называются. Мне сразу коробку закажи.

– Хорошо, – пробурчал Михеич. – Только я в прайсе таких не видел.

– Значит, смотрел не туда, – заржал Арсений и отключился. Набрав из проруби два ведра воды, быстро направился к дому, как мальчишка гадая, чем сейчас занимается Света. Она прибирала со стола после завтрака и вполголоса напевала вчерашнюю «ланфрен, ланфра».

– Красивая песня, – улыбнулся Гаранин, переливая воду сначала в выварку, а потом в бак около печки. И словно желая получить похвалу, доложил: – А я твои пельмени любимые заказал. «Райские»!

– Молодец, – хмыкнула Света и, отставив в сторону грязные чашки, выскочила из кухни. Он услышал, как хлопнула дверь в сарай, а потом в сортир.

– Что нашло? – пожал плечами Арсений. – Или приспичило так.

Он решительно отмахнулся от лялькиных переживаний и позвонил Надежде.

– Мы приедем через час. Покорми Олеську. Возьмем ее с собой на горку!

А затем принялся искать термос, заваривать чай и делать бутерброды. А приготовив все, уже собрался идти на поиски своей малахольной гостью, когда в кармане завибрировал сотовый.

– Здравствуйте, – произнес незнакомый женский голос. Такой душевный и завораживающий.

– Здравсьте, – хмыкнул Гаранин, сетуя в душе, что телефонные спамеры уже добрались и до северной глуши.

– Свете передайте трубку, пожалуйста, – вежливо попросила собеседница. И Арсений мог отдать на отсечение руку или голову, что звонила явно не жена Михееча и не кто-то из деревенских. Да и Светка не знает никого, кроме Катерины, торговавшей вчера в магазине, ну и Надежды.

– Да, сейчас, – проблеял Гаранин и вручил трубку гостье, вошедшей на кухню.

– На, тебя!

– Кто?

– Понятия не имею, – пожал плечами Гаранин, не сдвинувшись с места. И даже за руку удержал подружку, желая знать...

«Каждый охотник желает знать, где сидит фазан», – пронеслось у него в голове.

Света напряженно бросила в трубку:

– Да, алло!

– Что, племяшка, пельмешек захотела? – хохотнула трубка.

– Лина, твою мать, – фыркнула Света. – Как ты меня нашла?

– Это наш Иван Григорьевич постарался, велел позвонить, – сообщила тетка. – А пельмени, что по рецепту твоей бабушки Раи, мы переименовали в «Бабушкины». Пришлем вам коробку. Что еще передать?

Света задумалась на минуту, а потом попросила:

– Пришли мне ноутбук небольшой, карту сбера открой на свое имя и лыжный костюм купи. Только отдельно куртка и брюки, я тут замучилась в Ленкином комбинезоне ходить.

– Ху из Лина? – удивился Гаранин, когда Света отдала ему трубку. – И почему она звонит мне? Откуда у нее мой номер телефона? – нахмурился он.

– Это моя тетка родная. Она работает на заводе, где делают пельмени. Видимо, твой Михееч с ней разговаривал. Кстати, пельмени эти теперь «Бабушкины» называются.

– Мир необычайно тесен, – недовольно пробурчал Арсений и коротко скомандовал: – Собирайся, Олеська ждет.

Света кивнула, заметив на столе огромный термос и пакет с бутербродами.

– Сейчас, – кивнула она. – Дай телефон, я перепишу Линкин номер.

– Я продиктую, – заметил осторожный Гаранин, подумав, что тут опять нестыковки. Не успел он поговорить с Михеечем, как тут же перезвонила нахальная Лина. И ему на сотовый, а не своей родственнице. И разговор странный. Почему пельмени сначала были «Райские», а потом стали «Бабушкиными»? Где связь? Опять лажа... Эх, Светка, непутевая ты дурочка, поймаю на крупной лжи или на сливе информации, выгоню взащей. Сама пойдешь пять километров до Крушинина, а потом поедешь на рейсовой развалюхе до Зарецка».

Настроение испортилось, и Гаранин выскочил во двор, завел вездеход. Следом вышла Света, нахохлившаяся и недовольная.

– К двери палку приставь, – велел Арсений.

– Это еще зачем? – изумленно бросила Света.

– Чтобы знали, что нас дома нет, – пояснил он, удивляясь вопросу. – Здесь не город, маленькая, законы другие.

Света послушно приставила тонкий дрын со скошенным концом к двери и прошептала чуть слышно:

– Чудеса! Так и войдут, зная, что никого нет дома, – пробурчала она, садясь сзади него и добавила недовольно – Вот ты меня подставил с этими пельменями.

– Сама виновата, сказала бы про тетку, я бы не стал заказывать!

– Вот так все тебе и расскажи, – хмыкнула она и замолчала. Лишь обхватила его сзади руками и, судя по всему, уперлась лбом в спину.

– Я еще и виноват, – пробормотал себе под нос Гаранин и, выезжая со двора, прокричал громко: – Ну и позвонила тетка, что с того? Зато родня твоя не будет волноваться!

«Моя тетка как газета-копейка, все новости сообщит за пару минут всему городу! Но кто же поджидал меня в аэропорту и стрелял в Митяя? И этот кто-то может запросто приехать сюда и расправиться. Знать бы хоть почему?»

– А куда мы направляемся? – поинтересовалась Света, замечая, что Гаранин направил супер-трактор прямо через озеро, чуть в сторону от Курыгина.

– Сейчас заскочим в Лебяжье за сметаной и молоком! – проорал на всю округу Гаранин. – Нам возьмем и Надьке с Олеськой. Если хочешь, можем и там церквушку посмотреть! Только она не интересная. В ней иконы с потертыми ликами и записные платки.

– Это как? – удивилась Света.

– Ну когда кто-то обет дает, то такой платок в церкви оставляет. Обычай здешний!

– А-а-а, – протянула она и снова вернулась к своим мыслям. Интересно, если об ее местонахождении известно био-папе Бессарабу, то как скоро узнают мама и Витька? Ну и Арман, как же без Армана...

«Уже, наверное, доложил Иван Григорьевич», – хмыкнула про себя Света и решила: будь что будет!

Гаранин направил Ямаху вдоль берега. Сначала мимо пронеслись темные силуэты Курыгина, а затем показались более зажиточные дома Лебяжьего. Кое-где двухэтажные с резными балконами. Но Арсений пролетел мимо, лишь в самый последний момент завернув в небольшую бухту, обрамленную со всех сторон изрезанным берегом. Света даже не заметила, как вездеход оказался на берегу и легко понесся вверх по склону, а потом вильнул налево и замер около бревенчатого дома с расписанными тюльпанами ставнями.

– Приехали, слезай, – скомандовал Гаранин, помогая ей обрести землю под ногами. – Пойдем, познакомлю тебя с Луной и Звездой, – примирительно пробурчал он, не желая переводить погожий денек на глупые ссоры.

Света, ухватившись обеими ладонями за большую сильную руку Арсения, подошла к изгороди и удивленно уставилась на прекрасное создание. Длинноногое и грациозное. Лошадь радостно подбежала к гостям, уткнулась носом в пустые ладони.

– Жаль, мы ничего с собой не взяли, – пробормотала себе под нос Света. – Даже кусочка сахара нет.

– Я позаботился, – буркнул Гаранин, насыпая в тонкую руку «жены» кусочки сахара и мармелада. – Подумал, что ты захочешь покормить.

Шершавый язык тотчас слизнул все вкусняшки и прошелся еще раз по пустой ладони.

– Ничего нет, – объяснил лошади Арсений и деланно развел руками. В этот момент на крыльцо вышла старушка в белом платке и запричитала:

– Сенечка, сыночек...

– Это жена моя, баба Клава, – привычно представил Гаранин.

– У тебя этих жен, – отмахнулась бабулька, искоса глянув на Свету. Та равнодушно отвернулась к лошади, сделав вид, что не заметила холодного приема и грубой реплики.

«Мне не привыкать, – хмыкнула она про себя, почувствовав накатившую обиду. – Странно, что, не зная меня, бабка постаралась обидеть». Настроение сразу испортилось, но Света ласково улыбнулась лошади и, глядя по носу гнедую красавицу с черными хвостом и гривой, через минуту забыла о существовании глупой бабки.

– Нам бы молочка и сметаны, – смущенно кашлянув, попросил Гаранин. – И для Олеськи налей отдельно. Такая бледная что-то!

– Вот женился бы на Марине... – начала старуха и осеклась на полуслове. Видимо, Арсений Юрьевич одарил бабку добрым взглядом. Он еще помялся у калитки, а потом закричал что есть мочи выглянувшему со двора соседу:

– Павка, мы едем с горы кататься! Бери детей! Поехали с нами!

Лошадь, стоявшая рядом со Светой, занервничала. Пришлось одной рукой провести по белой звезде на лбу, а другой ухватить за упряжь.

– Тихо, тихо, моя хорошая, – прошептала Света, водя ладонью по коричневой морде.

– А она мне нравится, – вынесла вердикт старуха и скрылась в доме. Гаранин в недоумении уставился ей вслед.

– Тебя забыли спросить, – огрызнулся он.

– Да она имела в виду лошадь, – хмыкнула Света и добавила тихонько – Представляю, скольких баб ты сюда за молочком приводил.

– Никого я не приводил, – рассердился Гаранин. – Это Олеськина прабабка. – И словно желая одержать над Светой реванш, бросил раздраженно: – А я смотрю, ты и коня на скаку, и в горящую избу...

– Пою, вышиваю и вкусно готовлю, – продолжила она список, нимало не смутившись.

– Про последнее мне ничего не известно, – хохотнул Арсений. – Но ловлю на слове!

– Обойдешься, – мотнула головой Света. – У нас другой уговор.

– Если б я знал, – искренне пожалел он. – Может, уступишь, а?

– Тут нет таких продуктов, – пробурчала она, с трудом отходя от Звезды.

– А чем продукты в Кемерово отличаются от здешних? – искренне изумился Гаранин.

Свете очень хотелось разузнать у этого странного человека, каким боком в разговор вклинилось Кемерово, но тут на крыльцо вышла баба Клава с двумя невысокими бидончиками молока. И разговор перескочил на сметану, которой мало, и творог, сделанный только для Олеськи. Арсений аккуратно поставил продукты в багажник и протянул бабке пятьсот рублей.

– За все сразу и сдачи не надо, – предупредил он, а старуха хмыкнула только: «Нашелся богатеи!», но лишнее не вернула, торопливо засовывая пятыхатку в карман жилетки.

В этот момент из соседних ворот показалась точная копия Звезды, запряженная в сани.

– Луна, – весело позвал Гаранин и помахал детям и женщине, укрывшимся овчинным пологом. А затем крикнул мужчине, сидевшему на облучке:

– По насту не езжай, Павка, лошадь провалится!

– Учи ученого! – хохотнул тот в ответ.

Света заворуженно наблюдала, как по высокому рыхлому снегу бежит гнедая красавица.

– Вот он, настоящий вездеход! – с гордостью заметил Арсений. – Везде пройдет! До чего же животное выносливое и умное.

– Благородное, – согласилась Света, с болью в сердце вспомнив конюшни Люсьена. Кто сейчас заботится о лошадях? Не разбежались ли работники?

«Нужно узнать у матери», – самой себе дала она поручение. И тут же, положив руку на грудь Гаранина, остановила его:

– Подожди, пусть Луна вперед убежит, а то двигателя испугается.

– Павка другой дорогой поедет, – хмыкнул Арсений, подмигивая, а про себя отметил, что девчонка явно не дура. Ласковая и нежная, но не бестолковая. Да и бабе Клаве понравилась. И всю дорогу размышлял, почему Света так легко прыгнула в его постель, стоило только поманить.

В южном городе с утра срывался снежок, то и дело переходя в дождь.

Иван Григорьевич Бессараб поморщился, понимая, что к вечеру обледенеют дороги и до дома придется ползти со скоростью черепахи.

Он раздраженно перевел взгляд на сидевшую напротив родственницу и по совместительству финансового директора, будто дождь со снегом шел по ее вине. Ангелина Михайловна Лурдина рассеянно читала учредительные документы компании.

«Что она там хочет узнать нового?» – внутренне скривился Бессараб и кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Лина, – резко процедил он. – Протокол собрания учредителей до сих пор не оформлен. И без Светкиной подписи недействителен. А теперь эта красавица оказалась на краю Земли и просит прислать туда пельменей, Митька-Азимут в реанимации, а мы с тобой в тупике.

– Да уж, – крикнула Лина, рассматривая сначала собственные идеальные ногти, а затем часы на стене. – Еще месяц – и никто из нас не сможет подписать отчетность или финансовые документы! Давай отправим к Свете бумаги вместе с пельменями. Она распишется и почтой пришлет обратно. Время еще есть!

– Ты думаешь, она вернется? – не сдержался Бессараб. – Я не уверен. Во всем, что касается твоей сестры и нашей с ней дочери! Вечно какие-то причуды! Вот что ей понадобилось в Зарецке? Что?!

– Не ори, – устало отмахнулась Лина и добавила веско – Отправь к ней курьера! За неделю обернется.

Иван Бессараб воззрился на нее невидящим взглядом.

– Возможно, ты и права, Ангелина, – пробормотал он. – И другого пути у нас просто нет.

– Можно еще расписаться за нее, – отмахнулась Лина.

– Это подлог, и мы договорились этот вариант не рассматривать, – рыкнул Бессараб. – Еще раз предложишь, вылетишь с работы.

– Ага, – хмыкнула Ангелина. – Напугал, сил нет! На следующем собрании учредителей подговорю Светку и переизберем тебя, Иван Григорьевич! Наши семьдесят процентов против твоих тридцати.

– Я у нее долю выкуплю и наконец уволю тебя, – рассмеялся Бессараб.

– Ты же тогда от скуки помрешь, – заявила Ангелина и гордо покинула кабинет. Иван долго пялился на закрытую дверь, раздумывая и гадая, в какую беду попала Света. Когда сегодня утром по дороге на работу позвонил Михеич и принялся буровить какую-то ерунду про пельмени, то Бессараб не сразу понял, о чем речь. А когда дошло, то, резко перебив бывшего взводного, рявкнул:

– Девушку как зовут? Как выглядит?

Михеич что-то уточнял у жены. А потом, когда все сошлось до малейших подробностей, Бессараб, не сдержавшись, выругался. Грязно и витиевато.

– Твоя знакомая, что ли? – обиженно протянул Михеич, не понявший, каким образом угодил под раздачу.

– Это моя дочь, – рыкнул Иван.

– Дочь? – удивился Михеич. – Так она у тебя только школу заканчивает...

– Та приемная, – уточнил Бессараб. – А эта – родная.

– Так... – попробовал встрять Михеич.

– Головой отвечаешь, Молот – пробурчал Иван, тяжело вздохнув.

Михеич, которого почти тридцать лет никто не называл боевым позывным, внезапно приосанился и тихо пробормотал:

– Понял, Бес. Не бойсь. Присмотрю.

Глава 8

Олеська без умолку болтала, прижимаясь ручонками к широким бокам Гаранина. А он под смех и визг пассажиров закладывал на узкой дороге крутые виражи, поднимая вверх белые пушистые волны снега. А когда добрались до горки, выяснилось, что Павка с Любой прихватили настоящие санки: тяжелые, с деревянной резной спинкой и толстыми полозьями. В них уже усаживалась вместе с детьми Люба, дородная глазастая женщина в платке и потертой дубленке, когда, спрыгнув с вездехода, к санкам подбежала Олеся.

– А ты в другой раз, – скомандовала Люба. – Все не поместимся!

Света почувствовала обиду за девочку и, наклонившись к Олеське, объяснила:

– Мы сейчас на волокуше поедem. Она легкая и быстрая!

– Эти санки мой дедушка делал, – печально вздохнула малышка. – Витка с Данькой катаются, а мне почему нельзя?

– Кто сказал, что нельзя? – удивился Гаранин, когда тяжелые сани двинулись вниз по накатанной поверхности. – Не вздумай реветь, иначе сейчас домой отвезу, – пригрозил он и, присев на корточки, слегка ущипнул девочку за нос и тихонько добавил: – Мы пока на волокуше, а потом поменяемся. И ты съедешь на санках с горки. Идет?

Олеська радостно кивнула и бросилась к пластмассовому «тазу».

– Подожди, – упредил ее Арсений. – Сначала я, затем Света и ты.

Они уселись друг за дружкой и покатались вниз под крики и вопли поднимавшихся на гору Любы и детей.

– Мама, мама, мы тоже так хотим! А санки тяжелые!

– Дайте и нам прокатиться!

Гаранин в ответ заорал «Йо-хо-хо!» и пронесся мимо, а Олеська пробормотала тихонечко: «Ничего мы вам не дадим!». Волокуша проехала по накатанному снегу, а потом, словно получив ускорение на трамплине, резво плюхнулась в рыхлый снег, погружая своих пассажиров с головой в сугроб. Света одним движением выдернула из белого плена Олеську и сразу поставила на ноги. А потом забултыхалась сама, будто что-то мешало встать на ноги. Она почувствовала, как неведомая сила потянула вниз, в самую снежную гущу, попыталась вырваться, но крепкие руки не отпускали и увлекали дальше в сугроб.

«Гаранин, чтоб тебе!» – хмыкнула она про себя, перестав сопротивляться. Арсений тут же поставил ее на ноги и принялся отряхивать. Света огляделась по сторонам. В двух шагах от нее заливалась от смеха Олеська, ее маленькие неприятели вместе с матерью с любопытством следили, чем кончится снежное противостояние. А вот Павел неподалеку беседовал с щуплым сутулым мужичком.

– Это наш участковый, – пробормотал Гаранин и, усадив Свету с Олесей на волокушу, быстро повез в горку.

– А я тебя ищу, Арсений Юрьевич, – протянул руку представитель власти. – Заходил к людям другой расы. Они же наблюдательные у нас, доложили, что ты с женой в Курыгино поехал. – И тут же с интересом уставился на Свету. – Назаров Аркадий Васильевич, местный участковый.

– Светлана, – улыбнулась она в ответ.

– Наслышан, наслышан, – радостно запричитал Назаров и заметил солидно: – Совет да любовь!

Света зарделась, а Гаранин заржал.

– Что хохочешь, как припадочный? – насупился Назаров. – Я же добра желаю.

– Так ты не на свадьбе вроде, – пробурчал Арсений, обнимая Свету. – Спасибо на добром слове. А зачем ты меня искал, Аркаша?

– Из-за кобыльего трупа, – почесал затылок участковый.

– Что? – не поняла Света.

– Из-за трупа туриста, найденного на Кобыльем острове, наш участковый вынужден ездить по деревням и опрашивать свидетелей, – перевел Гаранин и, улыбнувшись, уточнил: – Так?

– Ну да, – кивнул Назаров и добавил понуро: – Наша служба и опасна, и трудна...

– А я зачем понадобился? – хмуро осведомился Арсений. – Вроде все бумаги тебе сразу подписал...

– Так на жену твою посмотреть, – не смущаясь объяснил участковый. – Мы всех посторонних проверяем. Мало ли за кем следом наш труп приехал?

– А-а, – протянул Гаранин и поинтересовался ехидно: – Наш это чей?

– Вечно ты, Арсений, – хмыкнул участковый обиженно. – Приказано проверить все поселения на предмет чужаков.

– Так теперь Свету на допрос в Зарецк вызовут?

– Нет, – мотнул головой Назаров. – Она же тут не случайно оказалась, а специально к тебе приехала. И совсем не посторонняя. А наша!

– Ну и на том спасибо, – покивал Гаранин.

– Тут дело такое, – напустил на себя серьезность Назаров. – Проверяем группы туристов, что в эти дни бродили неподалеку, и местных жителей. Из наших никто не опознал, из туристов тоже.

– А кого опрашивали? – невзначай уточнил Арсений.

– Из Питера группа как раз пришла в Крушинино. В гостевом доме Свиридовых оставились. И одна группа из Казахстана – те дальше на Каргополь пошли, только одну ночь в Зарецке переночевали.

– А-а, – хмыкнул Арсений, прижимая к себе Свету. – Значит, и туристы его не знают.

– В том-то и дело, – обеспокоенно бросил Назаров и покосился в сторону Любы, наблюдающей за своими сыновьями и Олеськой, лихо съезжающими с горы на старых санках.

– Давайте чай пить! – закричала она. – У нас сало, вареные яйца и моченые грузди.

– А у нас бутеры с сыром и маслом, – добавил Гаранин. – И чай горячий в термосе.

– Под такую закуску бутылку бы, – размечтался участковый.

– А мы тебе про что? – захохотал Павка. – Сейчас для сугреву усугубим, а потом чайком с бутербродами заглянцуем. Оставайся, Аркадий Васильевич!

– Составлю вам компанию, – согласился тот солидно. – Грех не согреться дорогой.

– Только где расположимся? – непонимающе протянул Павка.

– Да тут рядом с горкой и устроим фуршет, – махнул рукой Арсений, переворачивая волокушу, дно которой оказалось подбито тонким листом алюминия.

Люба расстелила на образовавшемся «столике» потрепанную скатерку и достала из огромных саней, стоявших неподалеку, сумку с провиантом. Лошадка, впряженная в сани и слишком похожая на Звезду, покосилась на хозяйку умным карим глазом, но с места не сдвинулась.

– На, моя хорошая, – проворковала Люба, доставая из кармана сахар и пару конфет.

– Как ее зовут? – поинтересовалась Света, выкладывая из Гаранинского рюкзака бутерброды и термос.

– Луна, – хохотнула Люба.

– Красивое имя, – улыбнулась Света. – Звезда, Луна...

– И мать их Солнце, – добавила Люба. – Они с одного помета. Очень умные лошади.

Света оглядела «стол», ища, чем бы угостить лошадку. Но ее поиски не укрылись от Любы.

– Не корми ее, – предупредила Люба, – эта обжора готова все съесть, прям как пылесос, все схрумкает, до чего дотянется. Лучше детей позвать.

Света разлила по трем чашкам, притаившимся в термосе, огненный черный напиток и каждому из детей вручила чашку и бутерброд.

– Быстро ешьте и идите, – скомандовала Люба, а затем окликнула мужчин.

Застолье вышло недолгим. Да и что там пить на пять человек. Павка с заговорщицким видом вытащил из кармана куртки потертые медицинские пластмассовые мензурки и разлил в них водку. Одну мензурку протянул Свете. Она отказалась.

– Я водку не пью, – искренне повинулась она, про себя подумав, что и при детях не комильфо.

– Это точно твоя жена? – усмехнулся участковый.

– Нет, – скривился Гаранин. – Прибилась тут одна.

Все засмеялись шутке, а Света почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. От обиды, от злости, от беспомощности.

«Не дергайся, Светланка, – словно услышала она родной голос. – Все против твоего возвращения. Непокойно сейчас. Пусть Сеня мелет что вздумается. Главное пока не высываться. Пользуйся ситуацией».

– К тебе же все время кто-то прибивается, милый, – невинно вставила она, огладив Арсения по плечу. – Баб прям магнитом тянет. Вот и пришлось приехать, порядок навести.

– Да-а, обломался ты, Дергайкин! – загоготал Павка.

– Все! Послабление режима закончилось, – захихикал Назаров. – Как вы его вообще одного в наши края отпустили?

– Сенечка просился в тишине пожить, – развела руками Светлана. – Подумать! Кто же знал, что он тут так хорошо устроится?

Назаров захохотал, а Арсений, еле сдерживаясь, глянул на него пристально и осведомился ехидно:

– А ты уже все деревни объехал, Аркадий Васильевич? А то гляди, в своей избушке и заночуешь в Назарово. А там небось даже дров нету.

– Пора, пора, – спохватился участковый и, наскоро засунув в рот разлапистый кусок груздя, заторопился к стоявшему поблизости квадроциклу, оседлал его и умчался прочь.

Павка задумчиво глянул ему вслед и пробормотал недовольно:

– И так понятно, зачем турист этот на Кобыльем ошивался. Зачем по деревням мотаться? Пустая трата времени.

– Такой регламент, – пожал плечами Гаранин. – Все версии отрабатывают.

– Версия на самом деле одна, – насупил Павка. – Аркашка важничает и хочет показать, что не зря штаны в кабинете просиживает. Потом отчитаются, что предотвратили попытку взлома и что-нибудь про доблестного Бабая, установившего крепкие замки.

Гаранин ничего не ответил, лишь скривился.

– Вот я и говорю, что пока губернатор меры не примет, можем все потерять...

– Ты еще Министерство культуры всуе припомни, – хмыкнул Арсений и серьезно добавил: – Коли болтать меньше да добросовестно работать, то и сами справимся. И чужаков близко не подпускать...

Свете очень хотелось узнать про тайны Приозерного края, и она уже открыла рот, чтобы осведомиться у Гаранина. Но после такой отповеди передумала. И высвободившись из кольца Гаранинских рук, шагнула к Олеське, пытавшейся бросить снежок за шиворот одному из мальчишек.

– А давайте сделаем снежную бабу, – предложила детям. И попробовала слепить снежный шар. Но снег, рыхлый и пушистый от мороза, рассыпался в руках.

– Тогда ангелы! – провозгласила Света и, упав в снег, принялась энергично водить руками, а потом протянула ладонь Гаранину. Он потянул ее, помогая подняться, и с удивлением уставился на фигуру с крыльями, отпечатавшуюся на снегу. Дети тотчас последовали примеру его «жены». И даже Люба не удержалась и, пропустив для здоровья три мензурочки и тем самым выйдя из образа суровой барыни, плюхнулась в снег. Павка с Гараниным помогли ей встать. А потом принялись рассматривать образовавшиеся фигуры: три маленьких и две взрослых.

Света вполуха слушала разговоры мужчин и, сняв варежки, сжимала в руках комочек снега. Потом, дождавшись, когда он подтаеет, добавляла еще и еще, пока не набрался небольшой шар. Затем еще два. Она составила их один на другой рядом с деревом и выложила на миниатюрном белом личике черными мелкими веточками ротик, нос и глаза.

– Как думаешь, кукленок, – на ухо Свете пробасил Гаранин, когда она отошла в сторону и, словно скульптор, залюбовалась своей работой. – Как думаешь, – повторил он, прижимаясь к ней сзади, – баба тоже человек?

Строптивая лялька вывернулась из его объятий и бросила свирепый взгляд.

– Конечно! – фыркнула она, отталкивая его. – Женоненавистник!

– Тогда я отправлю в передачу «Очевидное-невероятное» письмо, что неподалеку от Курыгино обитает снежный человек, – заржал Гаранин.

Света, поняв, что ее разыграли, звонко расхохоталась. Ее смех, такой заразительный и чарующий, передался детям и Любе, а затем и Пашке.

– Хорошая женщина, – отсмеявшись, признал тот. – Я тебя заклинаю, Сеня, не упусти ее.

Гаранин из упрямства сморщил нос и, стукнув друга по плечу, бросил небрежно:

– Я тебе, Павлентий, не долбанный лебедь-однолюб.

Он собрался добавить еще пару гадких эпитетов про женский пол и тяжкую мужскую долю, когда, повернувшись вполоборота, заметил, что, воспользовавшись неразберихой, Олеська сама залезла в санки и пытается столкнуть их с горы. Она, усевшись на самый край, упрямо перебирала тоненькими ножками, обутыми в розовые сапоги. Но тщетно!

Девочке пришлось бы просидеть на горе еще долго, но в этот момент от поляны, где поселилась снежная баба, рванул Витька, а за ним Данька. И добежав одновременно до края горки, резко толкнули вниз массивную крашеную спинку. Тяжелые деревянные сани с железными полозьями, разгоняясь, заскользили вниз, напугав Олеську. Она закричала от страха, повернулась, ища помощи у взрослых, одновременно пытаясь тормозить ногами. Гаранин, увидев, как Света стремительно бросилась догонять злосчастные санки, рванул следом, надеясь лишь в самом конце горки поймать и санки, и Олеську. Он прекрасно понимал, что ничего страшного произойти просто не может. Сани заедут в сугроб, и, вероятно, сама Олеська окажется по горло в снегу. Подумаешь!

Но девчонка почему-то продолжала голосить и тормозить ногами. Испугалась высокой горки? Гаранин понятия не имел, что на нее нашло. А раздумывать было некогда. Сани на бугорке вильнули в сторону и, перевернувшись, боком заехали в снежную стену наста.

«Ну и хорошо», – про себя хмыкнул Арсений, втайне радуясь, что не придется бежать до конца горки. Он замешкался на половине пути, раздумывая, повернуть обратно или все-таки помочь Свете вытащить Олеську из сугроба, когда услышал плач, неутешный и надрывный.

«Наверное, нога под полозья попала, – испугался Гаранин, проклиная в душе дурацкую затею с санками. – И что теперь делать? Куда бежать с перебитой ногой? В Зарецк мчаться?»

Он даже рассердился на свою неумную подругу, пригласившую Олеську на горку.

– Вечно все не слава богу», – пробормотал он себе под нос, вспоминая, как Марина постоянно попадала в какие-то нелепые ситуации. А подбежав и склонившись над девочкой рядом со Светой, увидел покореженный полозьями сапог.

– Что с ногой? – рывкнул испугавшись.

– Цела. Крови нет, – пробормотала Света, доставая из испорченной обуви Олеськину ступню и деловито ее ощупывая.

– Где болит, малыш? – попыталась отвлечь Олеську от плача.

– Нигд-е-е, – затагнула та. – Сапожки жалко! Меня теперь Сеня поругает! Это его сапоги-и-и!

– Ты теперь в розовом фигуришь? – хмыкнул сзади подошедший Павка и расхохотался.

– Не стану я тебя ругать, – пробормотал Гаранин. – Вот только новые купить не получится. В Крушинино забрали последнюю пару.

Девочка всхлипнула горько. Арсений, потянув ее за руку, одним движением закинул Олеську себе на спину.

– Держись, – приказал он. – Погуляли и хватит. Теперь придется тебе в ободранных сапогах ходить. Ну хоть одна радость, испорченную обувь Надька не пропьет.

Олеся горестно вздохнула, словно всем печальным видом говоря: «Плавали, знаем!», а потом завоображала, оказавшись за спиной Гаранина, и показала мальчишкам язык.

Уже попивая чай у Надежды и слушая ее причитания по поводу сапог, Арсению вдруг пришло в голову, что, если бы не лялька, фиг бы он отправился кататься на волокуше, да еще и с Олеськой. И про сапоги даже поинтересоваться не додумался бы, справедливо полагая, что прошлой осенью купил новые. Гаранин перевел взгляд на Свету, рассматривающую испорченную обувь вместе с Олеськой. Он уже собрался осведомиться, что они затевают, когда в избу ввалились жившие по соседству Генка с Петькой и потребовали налить по чарочке. За компанию пригубил и сам Гаранин. Надежда предложила Свете, показывая на бутылку:

– Будешь?

– Нет, – отмахнулась та.

– Значит, повезешь нас домой, – принял решение Гаранин.

– Тут нет ГАИ, милый, – деланно улыбнулась она.

– Зато у тебя есть инстинкт самосохранения, – хмыкнул Арсений и добавил едко: – Ты ж вроде долго со стритрейсером жила. Неужели нет желания погонять?

Света почувствовала, что еще минута – и она его ударит. Но пришлось сдержаться. Из-за заплаканной Олеськи и трех пар сальных глаз, наблюдающих за ней с любопытством.

– У меня-то он есть, – процедила Светлана, – а у тебя, похоже, совсем отсутствует!

Гаранин подскочил к ней и при всех впился в губы поцелуем, а потом, усевшись на деревянную лавку около стола, принялся обсуждать с мужиками, как правильно строить ледовые ловушки для рыбы. Света немного поиграла с Олеськой в куклы, а потом задремала, сомлев от выпитого чая с травами и жарко натопленной печи.

Она проснулась от хриплого шепота Гаранина, водившего по ее лицу кончиком ее собственной косы.

– Просыпайся, маленькая. Домой пора.

– Вон как его проняло, – хмыкнул Генка, кивая лысой башкой на входную дверь, за которой только что скрылись Гаранин и Света.

– Ну говорят же, что жена, – кивнул Петька и потер заросшую щеку. – Он даже когда с Маринкой гулеванил, таким веселым не был.

– И в церквушке не целовался, – скривился Генка. – Вот тут его слабое место. Баба эта!

– Ну и что? – отмахнулся Петька. – Может, добрее станет, а?

– Сомневаюсь, – пробурчал Генка и покосился на окно, из которого прекрасно просматривался двор, Надежда в накинутом на плечи тулупчике и Олеська, прыгающая вокруг Светланы, в старых латаных валенках.

– Украсть ее надо, – яростно прошептал Генка, махнув рукой в сторону окна. – И потребовать выкуп.

– Кого украсть? – пьяненько изумился Петька и на всякий случай уточнил: – Олеську?

– Околеську, твою мать, – ругнулся Генка в нетерпении. – Светлану эту. Арсений тогда точно шелковым станет.

Глава 9

– А сапоги Олеськины зачем прихватила? – удивился Гаранин, показывая на кулек с детской обувкой. – Они теперь никуда не денутся. Дранные Надька точно не пропьет.

– Даже и не подумала об этом, – отрезала Света, разуваясь, и сразу прошла на кухню, а оттуда в зал. Гаранин, как привязанный, поплелся следом. Помог снять комбинезон, заодно и облапив его обладательницу.

– Пойдем спать, маленькая, – прохрипел над ухом. – Я тебя согрею.

– Мне не холодно, – пробормотала Света, отодвигаясь. – Другую приблуду найди и грей. А я завтра уеду. Надоело!

– И как же ты до Крушинина доберешься? – осклабился он. – Я уже про Зарецк молчу.

– Пешком, а там на автобусе до Зарецка, – отмахнулась она. – Подумаешь!

– Ты и дорогу-то не знаешь, – попытался вразумить ее Арсений. – В лесу заблудишься.

– А я по прямой через озеро, – деланно улыбнулась Света. – И в лесу тропинку найду.

Мне Лена с Вадимом кроку нарисовали.

– Кроку! – важно протянул Гаранин. – Даже не думал, что ты такие слова знаешь...

– Ты вообще много чего не знаешь, – мотнула головой она.

– Расскажи, – миролюбиво предложил Арсений и полез целоваться. Но тут же напоролся на острый локоток, выставленный вперед.

– Нет, – яростно прошептала Света и глянула на него в упор.

– Уверена? – прорычал он, нависая.

– Представь себе, – процедила она и кивнула великосветски. – Спокойной ночи.

Этот тон и высокомерный взгляд взбесили Гаранина, но он, сдержавшись, отступил в сторону.

– Ты только ночью не срывайся в Зарецк, ладно? – попросил примирительно. – Если к утру не передумаешь, я отвезу. Никого насильно держать не собираюсь.

– Спасибо, – пробормотала Света и отвернулась, чтобы скрыть слезы.

– Я спать, – пробубнил Арсений и затопал на выход, но около самой двери задержался и предложил – Хочешь, массаж сделаю?

– Нет, спасибо, – бросила она и достала с полки картонную коробку с рукоделием. – Мне есть чем заняться.

– Как пожелаешь, – развел руками он и, костеря себя за гадкий язык, направился в зимовку.

Света воочию представила, как Гаранин заваливается в постель и храпит до утра. И как только шаги стихли, вытащила на массивный квадратный стол содержимое ящика. Нашла лоскут штапеля: серого с розовыми цветами. Незведанные науке растения как нельзя лучше подходили по цвету. И Света, вспомнив основы декупажа, принялась за работу. Она метнулась на кухню и, порывшись в ящике с инструментами, выудила на свет божий большой тюбик клея «Момент», банку матового лака и кисточку.

Все что угодно, только бы не думать о Гаранине. Рукоделие – кропотливая работа – всегда придавало ей уверенности и позволяло сдерживать эмоции. Света вспомнила, как основам ее обучала сначала бабушка Рая, находившая время, чтобы связать шапочку или носки, или вышить по канве крестиком или гладью картину. Потом в лицее мадам Рекомье учила составлять воедино немыслимые фактуры ткани. Ну и конечно же, хоть кончиком носа удалось заглянуть на кухню к самому Ральфу-я вас умоляю-Лорену. А это такая школа!

Она вздохнула тяжело, в который раз оглядывая незамысловатую обстановку «залы». Старый телевизор «Рекорд», рядом новый «Панасоник», стол посредине комнаты, диван около окна и сервант у стены. словно на машине времени в прошлое попала. Назад в СССР. Ни

тебе диплома дизайнера, ни карьеры модели. Будто все в другой жизни осталось. Лишь любовь мастерить что-то своими руками никуда не делась.

«Лобачевский говорил, – вспомнила Света слова бабушки, – что математика ум в порядок приводит. А как по мне, так лучше рукоделия и нет ничего. Руки заняты, голова свободная. Любую проблему решить можно! Как же, – вздохнула она про себя. – Это целый ковер расшить надо, чтобы с моими трудностями разобраться!»

Вырезанными цветами она обклеила носки сапог, а потом покрыла их тонким слоем лака. Получились красивые новые сапожки. Таких уж точно ни у кого нет. Похожие она видела когда-то в коллекции «Armani Baby».

Света подошла к окну и, открыв форточку, задумалась о показной грубости хозяина дома.

«Что на него нашло? – поинтересовалась она у самой себя. – Может, загостилась и пора на выход? А сказать прямо стесняется. – И сама тихонечко рассмеялась собственным думкам. – Гаранин! Стесняется! Ну-ну».

Она поймала себя на мысли, что уехать к родственникам проще простого. Стоит только добраться до Зарецка и сесть на поезд. А еще лучше позвонить крестному, пусть пришлет охрану. А там... двое суток – и дома. Можно и на Пахомовской даче схорониться, туда все равно вряд ли кто-то сунется. Придирчиво осмотрев Олеськины сапожки, Света бросила взгляд на часы и быстро набрала Виктора Николаевича Пахомова.

– Да, спиногрыз, – устало вздохнул Пахом, как только раздался первый гудок. – Как поживаешь, родная?

От этого «родная» с ударением на первый слог в глазах защипало, и она снова увидела квартиру в Плотниковом переулке. Живого веселого отца, обнимающего мать, и смеющегося Витю Пахомова.

– Удалось что-нибудь выяснить, крестный? – жалобно осведомилась она.

– Не по телефону, – отрывисто бросил тот. – Все гораздо серьезнее, чем я предполагал. И как разобрать эту кучу навоза, пока не решил.

– Забери меня отсюда. Пришли за мной охрану, а? – заныла она, надеясь, что Пахомов ей уступит.

– Нет, – отрезал Виктор Николаевич. – Не выдумывай. Не добавляй своему старому крестному проблем. Залег на дно. Ферштейн, спиногрыз?

– Яволь, мой генерал, – пролепетала Света и всхлипнула.

– Ну если уж совсем немоготу, – раздобрился Пахом, – но лучше пока не рыпаться. Поняла?

– Да, – неохотно заверила она и тут же перевела тему. – Ты к папе когда пойдешь?

– Вернусь в Бордовый и сразу к нему. Посоветоваться хочу.

– А сейчас ты где?

– В резиновой, – глухо пробурчал Пахомов. – Дела закончу и хоть на пару дней домой смоюсь.

– Бабушку от меня поцелуй, – попросила Света.

– Меня бы самого кто поцеловал, – недовольно процедил Витька.

– А как же Хлюя, крестный? – насторожилась она.

– А что с ней? – хмыкнул Пахомов. – Хлошечка с дочками дома. Я к ним хочу. А вместо этого стою в навозе по колено и машу, как дурак, совковой лопатой. Разгребаю.

Света не стала уточнять, где в центре Москвы он умудрился вляпаться в гуано, и сочла за благо попрощаться.

– Все прошло, все умчалось в невозвратную даль, ничего не осталось, лишь тоска да печаль, – пропела она себе под нос и, осмотревшись, решила устроиться на ночлег в кровати за занавеской. Но посредине цветастого покрывала валялся Жиробас и нахально паялся на незваную гостью недобрым взглядом.

– Иди к Арсению, – безмолвно предложил он ей. – Тут мое место.

– Не очень-то и хотелось, – пробормотала Света и отправилась обратно в зал. Достала из шкафа подушку и плед. Но потом задумалась на минуту, понимая, как сильно соскучилась по Эжену.

Она быстро метнулась в зимовку. Сняла с вешалки болтавшийся там рюкзак и вернулась обратно в зал. А там, уже укрывшись теплым пледом, достала сотовый и, открыв фотографии сына, тихо заскулила от безысходной тоски. Тотчас откуда ни возьмись на диван запрыгнул Жиробас и, устроившись в ногах, замурчал утробно, успокаивая душу. Света долго смотрела фотографии, скачанные еще в Москве из облачного хранилища, любовалась самым красивым мальчиком в мире, а затем, спрятав телефон обратно в рюкзак, свернулась калачиком и заснула.

Гаранин пробудился словно от тычка в бок и сразу же принялся шарить по другой стороне кровати. Светы не было. Он даже крикнул от досады, но тут же вспомнил, что виноват сам.

«Покуражился днем, значит, ночью спи в холодной постели», – сам себе наказал Арсений. Он поднялся, натужно вздыхая кряхтя как старый дед, поплелся в неотапливаемую часть дома по сильной нужде, а проходя мимо вешалки, прибитой к стене у самой двери в зимовку, опешил. Светкин рюкзак пропал. Не отражались в лунном свете неоновые вставки, да и старый махровый халат не топорщился, а висел ровно.

– Уехала, – проскрежетал зубами Гаранин и рванул в кухню. Влетел, чуть не сорвав дверь с петель, вбежал в зал, да так и остановился пораженный увиденной красотой.

Света крепко спала, раскидав русые кудри по старой огромной подушке. В лунном свете ее лик казался величественным и спокойным одновременно, а черты лица – идеальными. В ногах красавицы дрых Жиробас. Гаранин на негнущихся ногах подошел к дивану и замер от охватившего восторга. Наверное, такие благородные лица вдохновляли Тициана и да Винчи. Именно с них они писали своих Мадонн. На краткий миг Арсению даже почудился щекастый младенец, примостившийся около Светкиной груди. Пришлось одернуть себя.

«С дуба рухнул, Сеня, – хмыкнул он мысленно. – Бабам верить нельзя. Забыл? Ты уже один раз выставил себя полным идиотом. Достаточно!»

Гаранин отступил в сторону, собираясь дойти до сортира, а потом вернуться в постель, но тут заметил прислоненный к ножке стола рюкзак и чуть не поперхнулся от возмущения.

– Твою мать, – чуть слышно возмутился он. – Вот же зараза строптивая! Не шутила!

Он прошел по дощатому полу в дальний угол избы и, выскочив в сарай, поежился от холода. Теплый ватерклозет явно не помешал бы.

«Только теперь меня в город и калачом не заманишь», – хмыкнул про себя Арсений, задумчиво глядя в пустоту чернеющей дыры.

«Когда ты присматриваешься к бездне, бездна начинает присматриваться к тебе», – пришла на ум Гаранину цитата из Ницше.

Он уже намеревался вернуться в зимовку, но по дороге безотчетно завернул на кухню. Тихо ступая, прошел в комнату и, повинувшись первобытному инстинкту, молча подхватил Свету на руки. Она пробормотала что-то неразборчиво и сонно уткнулась лицом ему в грудь. Арсений аккуратно переложил на кровать свою непокорную ляльку и сам примостился рядом. Похозяйски провел ладонью по спине и, прижимая к себе спящую красавицу, нежно чмокнул ее макушку. Гаранин подавил натужный вздох, боясь разбудить Свету, и сам впал в полудрему, иногда вздрагивая от тревожных мыслей. Он не желал отпускать от себя строптивую ляльку, но и как удержать, не знал.

Запах жареного хлеба, дразнящий и манящий, щекотал ноздри и подавлял волю. Хотелось подскочить и опрометью бежать на кухню. Света потянулась в кровати, силясь понять, как умудрилась заснуть в зале, а проснуться в зимовке. Потом увидела рюкзак на вешалке и тихонько выругалась:

– Гаранин, твою мать!

Накинув халат, она вышла на кухню, где Арсений как ни в чем не бывало жарил гренки и колдовал над джезвой с кофе.

– Все мечтаю выписать кофемашину, – заявил он, радостно улыбаясь.

– Хозяин – барин, – хмыкнула она, не желая идти ему навстречу.

– Я думал, может, посоветуешь что-нибудь дельное. У тебя домакакая модель?

– Ну ты спросил! – расхохоталась она и, чуть сдержавшись, бросила небрежно – Понятия не имею.

Света помолчала, переводя дух, а потом попросила тихо:

– Отвези меня в Зарецк, – и добавила решительно: – Ты обещал.

Арсений мысленно укорил себя за бестактность.

«Сам знаешь, что она из бедноты, какого лешего ты, Сеня, со своей кофеваркой встрял?»

А вслух заметил спокойно:

– Хорошо. Завтра отвезу. Сегодня погода классная. На тетерева охотиться самое время. Хочешь, вместе пойдем?

– Нет, – фыркнула она и, опустив голову, принялась накрывать на стол.

Завтракали молча.

Гаранину не хотелось влезать в дразги и портить себе день выяснением отношений.

«Может, действительно, на тетерева пойти?» – уточнил он у самого себя и, получив утвердительный ответ, пробурчал угрюмо:

– Я на целый день уйду. А ты пока вещи собери. Завтра рано утром поедем.

Света кивнула и не говоря ни слова ушла в зимовку. А Арсений, помыв посуду и кляня почему зря характерную девицу, оделся потеплее, напялил сверху маскхалат и, захватив ружье, направился в лес, где в эту пору на полянах в преддверии холодов тетерева зарываются в снег. Достаточно подойти бесшумно и выждать момент, когда птицы выберутся на поверхность в поисках еды. Гаранин поднимался на пригорок, раздумывая, откуда лучше начать охоту. Он мысленно перебирал всевозможные полянки с высокими деревьями, откуда тетерева ныряют в глубокий снег, и решил выйти к Назарово, а оттуда двинуться подальше от протоптанных троп. Все что угодно, только бы не думать о глупой ляльке, не сожалеть.

«И что ей в голову пришло? – пробурчал про себя Арсений. – Все так хорошо было. Вот вздумала к словам вязаться!»

Он рассерженно крикнул и инстинктивно повернулся, чтобы бросить взгляд на свою избушку. И тут заметил, как на всех парах к дому спешит знакомый вездеход.

– Михеич, твою мать, – пробормотал себе под нос Гаранин и, решив, что Света дверь ни за что не откроет, остановился на пригорке, наблюдая.

Но глупая девица распахнула дверь и пропустила незваного гостя внутрь.

– Хоть кол на голове теши, – ругнулся Арсений и сразу вспомнил хвастливые речи Михеича, умудрявшегося при живой жене иметь любовницу в Зарецке.

– Твою мать, – проскрежетал Гаранин и что было сил устремился вниз, больше всего опасаясь, что взбалмошная Светлана уговорит охочего до денег и женской ласки Михеича отвезти ее в Зарецк. А чем расплатится, одному богу известно!

Перед взором Арсения мигом пронеслись две гостиницы около вокзала. Обычно там все занято, но на пару часов Михеич сможет договориться. Света – девка красивая.

Гаранин аж зарычал от догадки и, круто развернувшись, бросился бежать вниз, кое-где пробираясь напролом сквозь заиндевелый кустарник. Он скатился с пригорка и быстрым шагом направился к дому, заставляя себя отдышаться и идти спокойно, ни в коем случае не переходя на бег.

«Так быстро они не успеют сговориться», – мысленно решил Арсений, прекрасно понимая тех бедолаг, что, внезапно вломившись в дом с оружием в руках, застали своих жен в объятиях другого.

Внезапно на ум пришла сцена пятилетней давности, когда, открыв дверь своим ключом, наивный Сеня Гаранин оказался невольным свидетелем жаркой встречи. Любимая жена и младший брат. Как говорится, картина маслом.

«Что-то тогда тебе палить из двустолки в голову не пришло», – сам себя подначил Гаранин, стягивая снегоступы на крыльце, и, шумно топоча в сенях, ввалился в дом.

Он чинно вошел на кухню, миглом оценив обстановку. Света около обеденного стола наливала кипяток в заварочный чайник, а Михеич в зале крутил в руках новомодные сапожки.

– Это ж какой талант! – изумленно повторял он.

– Осторожно, лак еще не высох, – предупредил Гаранин, буднично наклоняясь к «жене» с поцелуем. Света привычно чмокнула его, и Арсений почувствовал, как душа запела.

«Вот же», – досадливо подумал он и весело осведомился:

– Чем обязаны, Дмитрий Николаевич?

– Да вот мимо ехал, дай, думаю, загляну! – рассмеялся Михеич и добавил серьезно: – Посылку везу людям другой расы.

– А что заказывали? – хмыкнул Гаранин, пытаясь казаться гостеприимным.

– Да бог его знает, – отмахнулся Михеич. – Пакет какой-то!

– Давайте чай пить, – позвала Света, накрыв стол к чаю.

И Арсению захотелось подхватить ее на руки и зацеловать, хотя бы за то, что нет нужды продолжать светскую беседу.

Разговор плавно перешел на ремонт сапожек. И Гаранин, утром восхитившийся тонкой и аккуратной работой, похвалил:

– Вот ты выдумщица, Светланка! Никогда бы до такого не додумался!

– В интернете полно роликов, – добродушно заметила она. – Нужна лишь фантазия.

– Этого у тебя не отнять, – радостно фыркнул Арсений, сграбастав «жену» в объятия.

Глава 10

Дмитрий Николаевич Молотков, в миру известный как Михеич, засиживаться в гостях у Гаранина не стал. Сразу после короткого чаепития оседлал вездеход и умчался на дальний холм к людям другой расы. Недолгой дорогой он размышлял, что делать дальше. И слепому видно, что Сеня поплыл и мало что соображает. И эта так называемая «жена» до боли в печени похожа на Беса. А он-то дурак подумал, что «дочка» – это типа зазноба какая, но увидев хозяйку в доме Арсения понял, что родство с командиром прослеживается невооруженным глазом. Взгляд, улыбка, манера двигаться. Если бы Ваня Бессараб вдруг оказался женщиной, то именно такой. Красивой и решительной, слегка надменной.

«Интересно на мамашу посмотреть», – хмыкнул Михеич и тут же мысленно хлопнул себя по лбу. Самому видеть не приходилось, а вот давние соратники Бессараба старались обойти эту тему стороной, лишь изредка по пьяной лавочке вспоминая неимоверно красивую невесту Ивана Григорьевича, вышедшую замуж за какого-то хмыря-авантюриста. Михеич нервно дал по газам, на скорости входя в поворот и объезжая огромную корягу, загораживающую половину дороги, внезапно понял, что когда-то давно, еще в Югославии, видел мельком фотку роковой блондиночки. Холодная стерва – подумал он тогда. И сейчас, когда в соседней деревне обосновалось великовозрастное дитя любви и ненависти, нужно держать ухо востро и наблюдать.

«Какой наблюдать, – поморщился он про себя. – Глаз не спускать! Видимо, Иван Григорьевич так и остался верен первой любви и, несмотря на все неприятности, до сих пор печется о дочери и грозит в случае чего лично приехать и оторвать за ненадобностью голову и другие части тела. Уж кто-кто, а Молот точно знал, что в бешенстве Бес способен на многое и лучше его не злить понапрасну, а уж за свою кровиночку единственную всех порвет, Рэмбо хренов.

Михеич подъехал к большому современному дому, года три назад сложенному из бруса, и остановился около калитки, огляделся по сторонам. Озеро и вся округа лежали как на ладони. Черные избы и деревья на белом фоне – фантастический пейзаж. Лишь на закате солнце окрасит монохромный мир золотыми лучами, добавив волшебства и сказки в привычную картину. Хотя...

– Тьфу, как старик раскис, – сам на себя рассердился Михеич и тут же остановился как вкопанный. Именно отсюда хорошо просматривалось Гречишкино и единственный жилой дом в деревне.

– А вон и сам Арсений отправился дрова рубить, – присвистнул Михеич, наблюдая, как из хаты выскочил Гаранин и побежал к дровяному сараю. Понимая, что хозяева большого дома заждались, Михеич, постучавшись, шагнул в сени.

На просторной кухне встроенный стол занял все место вдоль широкого окна. На дубовой столешнице стояли два ноутбука и две чашки чая. И сами хозяева сидели рядом, развалившись в больших офисных креслах.

Естественно, никто из них не походил на геев. Так... глупая шуточка, пущенная Гараниным. Еще поплатится, коли мужики прознают. Михеич перевел взгляд с одной плотной фигуры на другую. Крепко сбитые ребята с наглыми лицами и отморозженными глазами. Двое из ларца, одинаковы с лица.

Менты или бандиты. Вернее второе. Небось прячутся здесь от врагов или конкурентов. Михеич протянул пакет одному из них, а сам принялся снимать толстый пуховик и разматывать шарф.

– Что в мире делается, Дмитрий Николаевич? – добродушно поинтересовался Игорь Бойко, а Сергей Серeda, подхватившись, принялся доставать из современной духовки запеканку и заваривать чай.

– Все как обычно, – доложил гость, вдыхая аппетитный запах. Михеичу даже почудился аромат вишни. Хотя откуда тут вишня?

– Сегодня пек, – заявил Серега, выставляя блюдо с запеканкой на стол. – Творожный пирог с вишней.

– А-а-а, – только и сумел вымолвить Михеич, и пока не съел три куса, не проронил ни слова.

– Ты ж вроде только у Сени чаевничал, – хмыкнул добродушно Игорь.

– Я там не рассиживался, – жуя пробурчал Михеич. – Терпеть не могу, когда голуби шизокрылые рядом тискаются.

– Так жена-а приехала, – хохотнул Сергей и полюбопытствовал: – Как она тебе? Красивая?

– А то нам издалека не разобрать, – поддержал Игорь и заржал во все горло.

– Очень красивая, – печально согласился Михеич и добавил серьезно: – И девка хорошая. А Гаранин психованный, еще руку на нее поднимет...

– Тебе-то что? – криво усмехнулся Середа. – Подумаешь...

– Вам, ребята, с бугра виднее. Если чего, за девку заступитесь и мне дайте знать. Уж за мной-то не заржавеет.

– Запал, что ли? – подивился Бойко. – Вроде Катерина у тебя женщина достойная...

– Не-а, – мотнул головой Михеич. – Какой там запал? Девка эта мне в дочки годится, – замотал он головой, а про себя подумал, что коли не ему, так Бесу. Но вслух говорить ничего не стал. Не те люди, не то время.

– Просто Дергайкины – они все психованные. Вот дед Сенькин мог ни с чего драку затеять. Я и беспокоюсь. Девчонка-то не местная, всех тонкостей не знает.

– А почему Гаранин – Дергайкин? – изумился Серега.

– Так у нас, у местных, у всех по две фамилии. Одна семейная, а вторая – по деревне. Вот я, например, Молотков, а по деревне – Михеев. А Гаранины – Дергайкины, а Надька из Курыгино – по паспорту Ивашова, а по деревне – Соболева, а Назаров, наш участковый...

– Ладно, мы поняли, – отмахнулся Игорь. – По деревне – значит в честь той деревни, откуда родом.

– Не всегда. Необъяснимо это...

– Прикольно, – хмыкнул Серега и кивнул в сторону пирога. – Съешь еще кусочек, Дмитрий Николаевич. А когда Михеич аккуратно переложил в блюдце румяную выпечку, заметил лениво:

– Вон участковому нашему меньше повезло. У нас даже печенье закончилось. Пришлось его курагой и изюмом угощать.

– А что там с расследованием? – вскинулся Михеич. – Ничего он вам не рассказывал?

– Говорит, Москва к себе дело забирает. Замерший пряник служил в МВД. Вот его руководство и хочет самолично разобраться в случившемся.

– Да-а, – протянул Михеич. – Выходит, жмурик с Кобыльего до высоких чинов дослужился, а ума не нажил...

Хозяева расхохотались. Разговор плавно перешел на новый заказ. Середа с Бойко долго рядили, сколько им нужно крупы и сахара, а когда Михеич откланялся и понесся по склону вниз, Серега плюхнулся в свое кресло и невзначай бросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.